

• ТОМАС КЕНИЛЛИ •

СПИСОК ШИНДЛЕРА

18+

Если бы мне предложили сохранить для истории только один из моих фильмов, это, без сомнения, был бы «Список Шиндлера».

— Стивен Спилберг

Young Adult. Легендарные книги

Томас Кенилли
Список Шиндлера

«ЭКСМО»

1982

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Кенилли Т. М.

Список Шиндлера / Т. М. Кенилли — «Эксмо», 1982 — (Young Adult. Легендарные книги)

ISBN 978-5-699-80130-5

«Тот, кто спас единственную жизнь, спас весь мир» – эти слова из Талмуда написали заключенные на кольцо, которое подарили своему спасителю – Оскару Шиндлеру. Человеку, который избавил от мученической смерти больше тысячи людей. «Немецкий бонвиван, ловкий делец, обаятельная личность, полная противоречий» – так пишет о своем герое Кенилли. Да, Оскар Шиндлер не был святым, но стал – Праведником Мира. О нем помнят не только те, кто обязан ему жизнью, не только их дети и внуки – нет в мире человека, который не слышал бы это имя и не преклонялся перед скромным мужеством Шиндлера. В 1993 году Стивен Спилберг снял по роману Томаса Кенилли фильм, который стал одним из самых значительных произведений мирового кинематографа и удостоен семи премий «Оскар».

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-699-80130-5

© Кенилли Т. М., 1982

© Эксмо, 1982

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	8
Глава 1	21
Глава 2	28
Глава 3	34
Глава 4	38
Глава 5	42
Глава 6	46
Глава 7	51
Глава 8	56
Глава 9	64
Глава 10	66
Глава 11	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Томас Кенилли

Список Шиндлера

*Памяти
Оскара Шиндлера
и Леопольда Пфелфферберга,
благодаря одержимости и настойчивости которого эта книга и
появилась на свет.*

Thomas Keneally

Schindler's List

Copyright © 1982 by Serpentine publishing Co Pty Ltd.

First published by Touchstone, a division of Simon & Schuster Inc.

Photograph © Newspix via Getty Images

© Полоцк И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2016

Предисловие автора

В 1980 году я зашел в магазин дорожных принадлежностей в Беверли-Хиллз, Калифорния, собираясь приобрести пару чемоданов. Магазин принадлежал Леопольду Пфедфербергу, одному из тех, кто выжил стараниями Шиндлера. И, стоя у полки, уставленной импортными итальянскими кожаными изделиями, я впервые услышал историю Оскара Шиндлера, немецкого бонвивана, ловкого дельца, обаятельной личности, полной противоречий, одним из свидетельств которых являются его отношения с представителями обреченной на смерть расы в те годы, которые ныне известны под именем Холокоста, Катастрофы.

Рассказ об удивительной истории Оскара основан главным образом на беседах с пятьюдесятью людьми, спасенными Шиндлером, которые ныне живут в семи странах – Австралии, Израиле, Западной Германии, Австрии, Соединенных Штатах, Аргентине и Бразилии. Он дополнен и обогащен впечатлениями от моей поездки вместе с Леопольдом Пфедфербергом в те места, которые упоминаются в книге: Краков, где разворачивалась деятельность Оскара; Плачув, в котором располагался концентрационный трудовой лагерь, Липовая улица в Заблоче, где по-прежнему находятся корпуса предприятий Оскара Шиндлера; Аушвиц-Биркенау, откуда Шиндлер забрал на свой завод женщин-заключенных. Немалое значение для повествования имели документальные свидетельства и другая информация, полученная от тех немногих соратников военных лет Оскара Шиндлера, которых удалось разыскать, а также рассказы большого количества его друзей послевоенных лет. Много подробных свидетельств поступило от *Schindlerjuden* – «евреев Шиндлера» на хранение в музей Яд ва-Шем. Мои записки были дополнены материалами, собранными в память героев и мучеников, а также письменными показаниями из различных источников и немалым количеством бумаг и писем самого Шиндлера, частично хранящимися в музее Яд ва-Шем, частью – предоставленных его друзьями.

Изложение подлинной истории в форме романа, с использованием специфических литературных приемов, в современной литературе встречается редко. Я предпочел пойти именно по этому пути – и потому, что у меня имелись писательские навыки, и потому, что живая форма романа показалась мне наиболее подходящей для воссоздания столь противоречивой и мощной фигуры Оскара Шиндлера. Я старался избегать всякого домысливания, если оно входило в противоречие с документами, но все же мне нередко приходилось выбирать некий средний путь между правдой и мифом, которые в изобилии окутывали такую личность, как Шиндлер. Порой возникала необходимость в полном объеме реконструировать разговоры Оскара, о которых остались лишь краткие упоминания. Но большая часть диалогов основана на подробных воспоминаниях *Schindlerjuden* или самого Оскара Шиндлера, а также тех, кто был свидетелем его отчаянного мужества.

Я хотел бы принести свою благодарность первым трем из числа спасенных Шиндлером – Леопольду Пфедфербергу, судье Моше Бейски из Верховного суда Израиля и Мечиславу Пемперу, которые не только поделились с автором этой книги своими воспоминаниями об Оскаре и предоставили ему документы, способствовавшие точности повествования, но и, прочитав первый вариант рукописи, внесли в него ценные уточнения. Были и многие другие, среди которых – люди, спасенные Оскаром Шиндлером во время войны, и его послевоенные коллеги и друзья, кто поделился своими воспоминаниями и щедро снабжал меня информацией в виде писем и документов. Среди них я хотел бы назвать фрау Эмили Шиндлер, миссис Людмилу Пфедферберг, доктора Софи Штерн, миссис Хелен Горовитц, доктора Джонаса Дрезнера, мистера и миссис Генри и Мариану Рознер, Леопольда Рознера, доктора Алекса Рознера, доктора Идека Шинделя, доктора Дануту Шиндель, миссис Регину Горовитц, миссис Брониславу Каракульску, мистера Ричарда Горовитца, мистера Шмуэля Спрингмана, покойного мистера Джекоба

Штернберга, мистера Ежи Штернберга, мистера и миссис Льюис Фаген, мистера Генри Кинстлингера, миссис Ребекку Бау, мистера Эдварда Хьюбергера, мистера и миссис Ирвинг Гловин и многих других. У меня в доме мистер и миссис Э. Корн не только делились своими воспоминаниями об Оскаре Шиндлере, но и оказывали мне постоянную поддержку. В Яд ва-Шеме доктор Иосиф Кермитц, доктор Шмуэль Краковски, Вера Прауснитц, Хана Абель и Хадаша Модлингер обеспечили мне полный доступ к свидетельствам спасенных Шиндлером и предоставили в мое распоряжение все видео- и фотоматериалы.

И наконец, со всем уважением я хотел бы отдать должное тем усилиям, которые приложил покойный мистер Мартин Гош, чтобы имя Оскара Шиндлера стало известным миру, и принести дань уважения его вдове, миссис Люсиль Гене, за ее помощь в осуществлении этого замысла.

При неоценимой помощи всех этих людей удивительная история Оскара Шиндлера в первый раз предстает в полном виде.

Том Кенилли

Пролог Осень 1943 года

В Польше стояла глубокая осень.

Из богатого и элегантного многоквартирного дома на улице Страшевского вышел высокий молодой человек в дорогом пальто, под которым виднелся двубортный смокинг. На его лацкане красовалась большая, украшенная золотом и черной эмалью *Hakenkreuz* (свастика). У открытой дверцы огромного и особенно ярко выделявшегося на мрачном фоне серой улицы блестящего лимузина марки «Адлер» молодого человека, выдыхая в холодном воздухе клубы пара, ждал шофер.

– Смотрите под ноги, герр Шиндлер, – сказал он. – Все покрыто льдом, словно сердце вдовы.

Молодой человек, слегка поскользнулся, но не упал.

Он всегда твердо стоял на земле.

До конца своих дней он так и будет носить двубортные смокинги и – имея кое-какое отношение к технике – всегда пользоваться большими внушительными машинами.

А еще – будучи немцем (а немцы в тот период истории пользовались непререкаемым авторитетом), неизменно оставаться человеком, с которым польский шофер может позволить себе дружески-почтительно пошутить.

Но вряд ли возможно приступить к изложению нашей истории, ограничившись столь краткой характеристикой. Ибо эта история повествует об убедительном триумфе добра над злом – триумфе, который получил конкретное и неоспоримое воплощение.

Когда вы подходите к этой сложной задаче с одной стороны – то есть когда пытаетесь последовательно и полно рассказать об успехах зла, – легко оставаться пронизательным, точным и мудрым, а также избегать банальностей. Не так уж сложно показать зло, особенно если оно пронизывает сюжет насквозь, хотя порой и добро может одержать верх – с помощью таких трудно учитываемых факторов, как достоинство и самоуважение. Врожденные человеческие пороки всегда привлекают основное внимание повествователя, врожденная порочность человеческой природы является питательной средой для историка.

Но когда собираешься писать о человеческих добродетелях, сталкиваешься с трудностями.

«Добродетель», по сути, понятие столь скользкое, что возникает необходимость в объяснении его смысла. Герр Оскар Шиндлер, который сейчас скользит, подвергая опасности свою блистающую обувь, на обледенелом тротуаре одного из самых старых и аристократических кварталов Кракова, отнюдь не был добродетельным молодым человеком в привычном смысле этого слова. В городе он снимал квартиру для немецкой любовницы и давно крутил роман со своей польской секретаршей. Его жена Эмили предпочитала большую часть времени проводить в их доме в Моравии, хотя порой наезжала в Польшу, чтобы навестить мужа. Тут необходимо уточнить: по отношению ко всем своим женщинам Оскар был любезным и щедрым любовником. Но это не оправдывало его, конечно, если оставаться в рамках привычного понимания слова «добродетель».

К тому же он был далеко не дурак выпить. Порой он выпивал ради чистого удовольствия, доставляемого алкоголем; но куда чаще ему приходилось пить с коллегами, людьми из СС, ради осязаемой выгоды. Мало кто мог сравниться с Шиндлером в умении сохранять ясную голову во время возлияний! И опять-таки это качество – в узком понимании моральных достоинств – не могло служить оправданием его склонности к кутежам.

Хотя заслуги герра Шиндлера давно получили документальное подтверждение, нельзя не упомянуть о некоторой двойственности его натуры, которая помогала ему выживать, имея дело с продажной и чудовищной системой, заполнившей Европу концентрационными лагерями, в каждом из которых в той или иной мере торжествовала бесчеловечность, превратившая один из народов в нацию узников.

Так что, может, лучше будет ограничиться пока лишь намеком на странные добродетели герра Шиндлера и перейти к повествованию о людях, в общении с которыми они проявлялись.

Добравшись до конца улицы Страшевского, машина проехала мимо черной громады Вавельского замка, из которого высокочтимый юрист национал-социалистической партии Ганс Франк правил Польшей в качестве генерал-губернатора. Как и полагалось замку, в котором обитал дух зла, в нем не наблюдалось ни проблеска света. И герр Шиндлер, и его водитель старались не глядеть на эту твердыню, когда машина поворачивала на юго-запад, в сторону реки. На мосту в Подгоже, перекинутом через замерзшую Вислу, их остановила охрана, которая была обязана препятствовать проникновению в город партизан и прочих вредителей, и солдаты потребовали от водителя *passierschein*. Герр Шиндлер часто проезжал через этот пропускной пункт, направляясь то со своего предприятия (на территории которого у него тоже были апартаменты) в город – по делам, или же из своей квартиры на Страшевского – на заводы в предместье Заблоче. Привыкнув к тому, что он всегда появляется после наступления темноты, охрана пропускала его без особых формальностей, зная, что пассажир лимузина направляется то на обед, то на прием, а то и к себе домой спать; а может, вот как сегодня вечером – за десять километров от города, в концентрационный лагерь в Плачуве, где его ждал обед с гауптштурмфюрером СС Амоном Гетом, высокопоставленным сластолюбцем. Поскольку герр Шиндлер пользовался репутацией щедрого дарителя горячительных напитков под Рождество, его автомобиль без особых задержек проследовал в пригород Подгоже.

Несмотря на свою любовь к вкусной еде и выдержанному вину, герр Шиндлер воспринимал сегодняшний обед у коменданта Гета скорее с омерзением, чем с удовольствием. И так было всегда: необходимость общаться и пить с Амоном не вызывала у него иных чувств, кроме тягостных, неприятных. Тем не менее отрицательные эмоции герра Шиндлера носили и слегка пикантный оттенок: возбуждение от предвкушаемого омерзения было сродни предвкушению средневековых мистерий – эмоции, можно сказать, больше подхлестывали Шиндлера, нежели обессиливали его.

Расположившись в салоне «Адлера», обтянутого черной кожей, герр Шиндлер ехал вдоль трамвайных путей, которые с недавнего времени обозначали границу еврейского гетто, и, как всегда, непрерывно курил. Так он обретал спокойствие. Нет, его манера вести себя не страдала напряженностью; он всегда отличался изысканностью поведения и неизменно полагал, что вслед за бутылкой хорошего коньяка приходит черед дорогой сигареты. Он так и не смог понять, принес ли ему облегчение глоток из фляжки, к которой он приложился, проезжая по вымершей почерневшей местности и глядя, как по дороге на Львов тянется череда теплушек для скота, в которых могли быть солдаты, или заключенные, или – хоть в это было труднее поверить – коровы.

Оказавшись в пригороде, километрах в десяти от центра города, «Адлер» повернул направо, на улочку, которая, по иронии судьбы, носила название Иерусалимской.

Ночь начала забирать морозцем, и в стылom воздухе Шиндлер сразу увидел под холмом разрушенную синагогу, а затем скопление строений, которое в те дни получило название «Иерусалим» – концентрационный лагерь Плачув, барачный поселок, в котором размещалось 20 тысяч представителей беспокойного еврейского племени. Украинская полиция и люди из

ваффен СС любезно встретили у ворот герра Шиндлера, ибо и здесь он пользовался не меньшей известностью, чем на мосту в Подгоже.

Поравнявшись с административным зданием, «Адлер» двинулся по тюремной дороге, вымощенной еврейскими надгробиями. Еще два года назад на месте лагеря размещалось еврейское кладбище. Комендант Гет, считавший себя поэтом, использовал его памятные плиты, не задумываясь о возникшей метафоре. Это была дорога, устланная надгробьями и разделившая лагерь на две половины...

Дорога обрывалась, не доходя до виллы, занятой лично комендантом Гетом.

С правой стороны, за казармами охраны, располагалась бывшая еврейская покойницкая. Умирали тут часто, причиной смерти служило истощение. Но ныне это помещение служило конюшней для коменданта. Шиндлер уже по привычке к черной иронии текущего момента. По общему мнению, если ты в те годы мог с юмором оценивать такие «небольшие накладки» нового миропорядка в Европе, то, значит, принимал их, они становились частью твоего мировосприятия. А широта мировоззрения у Шиндлера была поистине необъятна.

Заклученный Польдек Пфедферберг тоже направлялся этим вечером на виллу коменданта. Лизек, девятнадцатилетний посыльный коменданта, явился в барак Пфедферберга с пропуском, подписанным унтершарфюрером СС. Проблема, с которой он столкнулся, заключалась в том, что в ванной комнате забило сток, и Лизек опасался, что получит беспощадную выволочку, когда утром герр комендант захочет принять ванну. Пфедферберг, который когда-то был учителем Лизека в старших классах гимназии в Подгоже, работал в гараже лагеря и имел доступ к химикалиям. Вместе с Лизеком он отправился в гараж, где взял гибкий шланг со щеткой на конце и канистру с растворителем. Пребывание на вилле коменданта всегда могло закончиться чем угодно, но оно включало в себя и возможность подкормиться у Хелен Хирш, тихой и запуганной прислужницы Гета, которая в свое время тоже была ученицей Пфедферберга.

Когда «Адлер» герра Шиндлера приблизился к вилле на сто метров, разнесся собачий лай – это подали голоса датский дог, волкодав и другие псы, которых Амон держал в конурах за домом.

Вилла представляла собой квадратное строение с мансардой. Окна наверху выходили на балкон. Вдоль всего здания шла веранда с балюстрадой – Амон Гет любил сидеть в теплые дни на свежем воздухе. После приезда в Плачув он заметно прибавил в весе. Следующим летом ему будет стыдно показаться на пляже...

Но по крайней мере в этом подобию Иерусалима он был избавлен от насмешек.

У двери виллы стоял унтершарфюрер СС в белых перчатках. Отдав честь, он пригласил герра Шиндлера в дом. В вестибюле вестовой-украинец Иван принял у герра Шиндлера пальто и широкополую шляпу. Шиндлер коснулся нагрудного кармана смокинга, дабы убедиться, что не забыл подарок для хозяина: золотой портсигар, приобретенный на черном рынке. Амон настолько преуспел, особенно имея дело с конфискованными драгоценностями, что подношение менее ценное, чем золотое изделие, просто оскорбило бы его.

Двойная дверь вела в обеденный зал, где музицировали братья Рознеры – Генри на скрипке, Лео на аккордеоне. По настоянию Гета, они оставляли полосатую лагерную одежду в малярной мастерской, где работали днем, и надевали вечерние костюмы, которые для таких случаев хранили в своем бараке. Оскар Шиндлер знал, что, хотя комендант обожал их исполнение, Рознеры никогда не чувствовали себя в безопасности на вилле. Они видели слишком многое, имеющее отношение к Амону. Они знали, насколько легко он со своей неустойчивой

психикой выходит из себя и подвергает людей наказаниям *ex tempore*. Играли они со всем старанием, надеясь, что их музыка не вызовет у хозяина внезапного необъяснимого взрыва бешенства.

Этим вечером за столом у Амона Гета собралось семь человек. Среди расположившихся по обе стороны от Шиндлера гостей находились Юлиан Шернер – глава СС в районе Кракова и Рольф Чурда – шеф краковского отделения СД, службы тайной полиции покойного Рейнхарда Гейдриха. Шернер был оберфюрером – ранг в СС, соответствующий промежуточной стадии между полковником и бригадным генералом, для которого не нашлось армейского эквивалента; Чурда же был оберштурмбаннфюрером, то есть подполковником. Гет имел звание гауптштурмфюрера, или капитана. Шернер и Чурда считались самыми почетными гостями, поскольку лагерь находился в их подчинении. И тот, и другой были ненамного старше коменданта Гета. Шеф СС Шернер выглядел человеком средних лет – в очках, лысый и с заметным намеком на тучность. Его протезе Гет вел сибаритский образ жизни, поэтому разница в годах между ними почти не сказывалась.

Самым старшим в компании был герр Франц Бош, ветеран Первой мировой войны, под его руководством в Плачуже состояли различные производства, законные и тайные. Кроме того, он был «экономическим советником» Шернера и имел деловые интересы в городе.

Оскар презирал и Боша, и обоих шефов полицейских служб – Шернера и Чурду. Но сотрудничество с ними было жизненно важно для существования его собственного предприятия в Заблоче, поэтому он регулярно преподносил им подарки. Единственными гостями, к которым Оскар испытывал дружеское расположение, были Юлиус Мадритч, владелец предприятия по пошиву форменной одежды, расположенного здесь же, в лагере, и его управляющий Раймонд Титч. Мадритч был на год или около того младше Оскара и коменданта Гета. Он был предприимчив, но достаточно гуманен, и если бы от него потребовалось оправдать существование столь прибыльного предприятия в концлагере, он мог бы сказать, что его фабрика дает работу почти четырем тысячам заключенных – и тем самым спасает их от жерновов смерти. Раймонд Титч, которому было слегка за тридцать, стройный и сдержанный, недвусмысленно демонстрировавший желание как можно раньше покинуть вечеринку, непосредственно управлял предприятием, работая рука об руку с Мадритчем. Он контрабандой протаскивал в лагерь грузовики с кормежкой для своих заключенных – это были дерзкие акции, которые в конце концов закончились для него тюрьмой СС и Освенцимом.

Таков был привычный набор гостей, собиравшихся на вилле коменданта Гета.

Четыре приглашенные женщины в дорогих платьях, с изысканными прическами выглядели моложе любого из присутствующих мужчин. Они были шлюхами высшего класса, немками и польками из Кракова. Кое-кто из них регулярно присутствовал на таких обедах. Их количество предполагало джентльменский выбор для двух офицеров. Немецкая любовница Гета, Майола, обычно оставалась в своей городской квартире во время пирушек у Амона. Она считала обеды у Гета типичным мужским сборищем, оскорблявшим ее нежные чувства.

И шефы полиции, и комендант по-своему любили Оскара. Однако, по их мнению, в нем было что-то странное. Они с готовностью частично списывали это на его происхождение. Он был из судетских немцев – Арканзас по отношению к Манхэттену, Ливерпуль – к Кембриджу. Оскар был для них не совсем своим, хотя всегда с готовностью расплачивался, был заводилой веселых балаганов, умел пить и обладал спокойным, хотя порой и несколько грубоватым чувством юмора. Он был из тех людей, которым вы улыбаетесь и киваете через комнату, но не испытываете желания немедленно кидаться им в объятия при встрече.

Эсэсовцы догадались о появлении Шиндлера по легкому оживлению среди женщин. Те, кто знал Оскара в те годы, утверждают, что он обладал непринужденным очарованием, которое магнетически сказывалось, главным образом, именно на женщинах – он пользовался у них неизменным успехом. Шефы полиции Чурда и Шернер, скорее всего, привлекли в свою компанию Шиндлера, чтобы вызывать интерес дамского персонала, рассчитывая, что и им перепадет...

Гет пошел навстречу протянутой руке Оскара. Комендант был столь же высок ростом, как и Шиндлер. На его атлетичной фигуре некрасиво выделялись жировые отложения. На лице с правильными чертами пьяно поблескивали глаза. Комендант уже выпил немалое количество местного бренди.

Однако пока он зашел не так далеко, как герр Бош, экономический гений Плачува и СС. Бош выделялся носом пурпурной расцветки – кислород, который, по всем законам, должен был снабжать сосуды его лица, давно уже сгорел синим пламенем от обилия алкоголя. Кивнув ему, Шиндлер понял, что и этим вечером Бош, как всегда, своего не упустит.

– Милости просим нашего промышленника, – прогудел Гет и вежливо представил Оскару девушек.

Братья Рознеры продолжали наигрывать мелодии Штрауса; глаза Генри не отрывались от струн, лишь изредка он косил взглядом в пустой угол комнаты, а Лео, склонив голову к клавиатуре аккордеона, еле заметно улыбался...

Шиндлер представился женщинам. Прикладываясь поцелуем к их рукам, он испытал жалость к этим девушкам из рабочих районов Кракова, ибо знал, что позже – когда в ходе вечеринки начнутся бичевания и истязания – на их плоти останутся шрамы и рубцы от ударов хлыста...

Но пока гауптштурмфюрер Амон Гет, которого выпивка превращала в садиста, держался как образцовый венский джентльмен.

Предобеденное общение не принесло ничего из ряда вон выходящего. Шел разговор о ходе войны, и, пока шеф СД Чурда заверял высокую немку, что Крым надежно защищен, шеф СС Шернер сообщил другой собеседнице, что парень, которого он знал еще по Гамбургу – отличный парень, обершарфюрер СС! – потерял ногу, когда партизаны взорвали ресторан в Ченстохове...

Шиндлер обсуждал производственные проблемы и положение дел на предприятии с Мадритчем и его управляющим Титчем. Эти трое предпринимателей поддерживали искренние дружеские отношения. Герр Шиндлер был в курсе, что Титч нелегально доставляет закупленный на черном рынке хлеб заключенным, работающим на фабрике форменной одежды Мадритча, и что немалая часть денег, потребных для этой цели, поступает от Мадритча. Эти поступки объяснялись простой гуманностью, поскольку, по мнению Шиндлера, их доходы в Польше были достаточно высоки, чтобы удовлетворить даже самого алчного дельца и оправдать некоторые незаконные расходы на толику хлеба. Лично же для Шиндлера контракты с *Rüstungsinspektion* — Инспекцией по делам вооруженных сил, организацией, которая рассматривала предложения и заключала договоры на производство множества необходимых предметов для германской армии, были настолько успешными, что он предвкушал удовольствие предстать в ореоле успехов пред суровые очи своего отца.

К сожалению, Мадритч, Титч и он, Оскар Шиндлер, были единственными, кто регулярно приобретал для заключенных хлеб на черном рынке...

Когда Гет уже приготовился пригласить всех к столу, герр Бош подхватил Шиндлера под руку и повлек его к дверям, рядом с которыми играли музыканты, словно надеясь, что звуки музыки заглушат их разговор.

– Мне кажется, дела идут неплохо, – начал Бош.

Шиндлер улыбнулся собеседнику:

– Вам на самом деле так кажется, герр Бош?

– Безусловно, – подтвердил Бош. Конечно, он просматривал бюллетень Инспекции, в котором упоминались контракты, заключенные с фабрикой Шиндлера.

– Я бы хотел выяснить, – продолжил Бош, склоняя к нему голову, – на фоне сегодняшнего подъема, обусловленного, несомненно, нашими выдающимися успехами на различных фронтах... я хотел бы узнать, нет ли у вас желания сделать благородный жест. Ничего особенного. Всего лишь жест.

– Почему бы и нет, – ответил Шиндлер.

Он испытал приступ тошноты, понимая, что его откровенно пытаются использовать, и в то же время – ощущение, близкое к восторгу. Учреждение шефа полиции Шернера уже дважды использовало свое влияние, чтобы вытащить Шиндлера из тюрьмы. И теперь оно обращалось к нему за одолжением, что позволяло в будущем снова прибегнуть к его защите.

– Моя тетьа в Бремене стала жертвой бомбежки, бедная старушка, – пробормотал Бош. – Она все потеряла! Вплоть до супружеской постели. И комод – со всем ее мейсенским фарфором и посудой. Вот я и интересуюсь: не могли бы вы обеспечить ее какой-нибудь кухонной утварью? И, может, супницу-другую, которые вы производите на ДЭФ...

Германская фабрика эмалированной посуды была одним из наиболее процветающих предприятий герра Шиндлера. Немцы именовали его ДЭФ¹, поляки и евреи предпочитали другое название – «Эмалия».

– Думаю, это можно будет устроить, – сказал Шиндлер. – Вы хотите, чтобы я отправил ей товар напрямую или через вас?

Бош даже не улыбнулся.

– Через меня, Оскар. Я хочу вложить небольшую записку.

– Конечно.

– Значит, договорились. Скажем, каждого предмета по полгросса – суповых тарелок, блюдец, кофейников. И полдюжины таких же супниц.

Герр Шиндлер, выпятив челюсть, мысленно расхохотался. Ему приходилось постоянно раздавать подарки. Но когда заговорил, он был воплощением любезности. Ну, ясно, Бош просто принимает глубоко к сердцу мучения родственников, пострадавших от бомбежек...

– У вашей тети сиротский приют? – проворковал Оскар.

Бош снова посмотрел ему прямо в глаза; однако его собеседник, хотя и выпил, явно ни на что не намекал.

– Она старая женщина, безо всяких средств к существованию... И она сможет обменять то, в чем у нее не будет нужды, на необходимые вещи.

– Я скажу своей секретарше, чтобы она позаботилась.

– Той польке? – спросил Бош. – Красотке?

– Красотке, – согласился Шиндлер.

Бош попытался было свистнуть, но губы не подчинились ему из-за чрезмерного количества выпитого бренди, и получилось лишь слабое шипение.

– Ваша жена, – откровенно, как мужчина мужчине, сказал он, – должна быть святой.

– Так и есть, – вежливо подтвердил герр Шиндлер.

¹ Аббревиатура от *Deutsche Emailwaren Fabrik*.

Он охотно предоставит Бошу кухонную утварь, но из этого не следует, что он позволит ему обсуждать свою жену.

– Скажите мне, – снова обратился к нему Бош. – Как вам удастся держать ее в неведении? Она должна все знать... или вы жестко ее контролируете?

Добродушное выражение сползло с лица Шиндлера, уступив место холодному высокомерию. Из его горла вырвался глухой раздраженный звук, который ничем не напоминал нормальный голос Шиндлера.

– Я никогда ни с кем не обсуждаю личных вопросов, – произнес он.

Бош спохватился:

– Прошу прощения. Я не хотел...

Он рассыпался в извинениях.

Этим веселым вечером герр Шиндлер не собирался объяснять герру Бошу, что дело тут не в контроллинге кого бы то ни было, что несчастье его брака заключалось в сочетании астеничного темперамента фрау Эмили Шиндлер и бурного жизнелюбия герра Оскара Шиндлера, которые, отвергнув разумные советы, некогда соединили свои судьбы по доброй воле.

Раздражение, которое Бош вызывал у Оскара, имело более глубокие корни, он и сам это понимал. Эмили очень напоминала Оскару его покойную мать, фрау Луизу Шиндлер. Герр Шиндлер-старший бросил Луизу в 1935 году. Поэтому Оскар испытывал подсознательное ощущение, что, влезая в тайны его брака с Эмили, Бош пытается оскорбить его отца...

Бош все еще извинялся. Человек, который мог спокойно запустить руку в любую кассу Кракова, едва не вспотел от паники при мысли, что может потерять шесть дюжин дармовых наборов кухонной посуды.

Гостей пригласили к столу.

Горничная подала луковый суп. Пока собравшиеся отдавали ему должное, братья Рознеры продолжали играть, переместившись поближе к обеденному залу, но не настолько, чтобы мешать передвижениям горничной или Ивана с Петром – двух украинских ординарцев Гета.

Герр Шиндлер, сидевший между высокой девушкой, за которой уже начал приударять Шернер, и симпатичной худенькой полькой, говорившей по-немецки, обратил внимание, что обе его соседки наблюдают за горничной.

Она была одета в привычную униформу домашней прислуги – черное платье и белый передник. Никакой шестиконечной звезды на рукаве или желтой метки на спине. И все-таки сразу становилось ясно, что она еврейка. Внимание женщин привлекло ее лицо. На скуле у нее проступил синяк, но Гет совершенно не стеснялся демонстрировать прискорбное состояние своей прислуги гостям из Кракова. Обе соседки Шиндлера по столу и он сам обратили внимание не только на этот синяк, но и на багровое пятно, начинающееся из-под воротничка в том месте, где хрупкая шея служанки переходила в плечи.

Амон Гет тоже не оставил девушку без внимания: повернувшись к ней вместе со стулом, широким жестом руки он словно продемонстрировал ее собравшейся компании. Герр Шиндлер не был в этом доме шесть недель, однако его информатор сообщил ему, что отношения между Гетом и девушкой носят извращенный, болезненный характер. В компании друзей он обсуждал ее, не скрывая самых мерзких подробностей. Он прятал ее только тогда, когда ему наносили визит старшие офицеры не из района Кракова.

– Дамы и господа, – воззвал он, изображая вдребезги пьяного конферансье из кабаре, – разрешите представить вам Лену. После пяти месяцев пребывания у меня она наконец научилась вести себя и управляться на кухне.

– Насколько я могу судить по ее лицу, – заметила высокая немка, – она нередко натывается на кухонную мебель.

– Что ее ждет и впредь, – с утробным смешком сказал Гет. – Да. И впредь. Не так ли, Лена?

– Он крут с женщинами, – гордо сказал шеф СС, подмигивая своей высокой соседке. В намеке Шернера не было ничего оскорбительного, поскольку в данном случае он имел в виду только евреек, а не женщин вообще.

Гет дал понять, что еврейка Лена будет снова избита, когда ему того захочется – сейчас, публично, в присутствии гостей, или позже, когда друзья коменданта разъедутся по домам. Шернер, будучи начальником Гета, мог бы приказать ему прекратить издевательства над девушкой. Но это внесло бы напряжение в дружескую атмосферу, царящую на вилле Амона. Шернер явился сюда не в роли начальника, а как друг, коллега, любитель изысканной кухни и охотник до дамских утех. Амон, конечно, был странным типом, но зато никто не мог сравниться с ним в искусстве устраивать приемы...

Были поданы сельдь под соусом и пороссячи ножки, с отменным вкусом, приготовленные Леной и украшенные гарниром. Мясо собравшиеся запивали густым красным венгерским вином.

Братья Рознер грянули стремительный чардаш, атмосфера в обеденном зале становилась все более непринужденной, и офицеры скинули форменные френчи.

Разговоры крутились главным образом вокруг военных контрактов. Мадритч, производивший форменную одежду, выслушивал вопросы относительно своей фабрики в Тарнуве. Удалось ли заключить с инспекцией по делам вооруженных сил контракты столь же выгодные, как и на его фабрике в Плачуве? Мадритч обратился за справкой к своему сдержанному управляющему Титчу.

Гет внезапно сделал вид, что занят делами, как человек, в середине обеда вспоминающий о неотложных обязанностях, с которыми необходимо покончить сегодня же.

Девушки из Кракова откровенно скучали; сидящая справа тонкокостная полька лет восемнадцати, с блестящей помадой на губах, коснулась рукава смокинга Шиндлера.

– Вы не военный? – проворковала она. – Вам бы очень пошла форма...

Все начали ухмыляться – включая Мадритча. Тому пришлось в 1940 году облачиться в мундир – на краткое время, пока не было признано, что его предпринимательские таланты куда важнее для военных успехов. А вот Шиндлер пользовался таким влиянием, что вермахт никогда даже не покушался на него.

– Нет, вы слышали? – обратился ко всем оберфюрер Шернер. – Малышка увидела нашего предпринимателя в роли солдата. Рядовой Шиндлер, как вам нравится?! С одеялом на плечах хлебает кашу из своего котелка. Где-то под Харьковом...

Шиндлер в элегантном смокинге настолько не вязался с обрисованной Шернером картиной, что он и сам расхохотался, представив себя в таком виде.

– А ведь так случилось... – произнес Бош, пытаясь щелкнуть пальцами, – случилось с... как его имя, того, из Варшавы?

– Тоббенс, – вмешался в разговор Гет. – Это с Тоббенсом случилось. То есть – чуть не случилось.

Шеф СД Чурда сказал:

– Ах, да. Вроде и в самом деле с Тоббенсом.

Тот, кого они имели в виду, был варшавским промышленником, фигурой покрупнее и Шиндлера, и Мадритча. И весьма преуспевающим дельцом...

– Хейни, – продолжил Чурда (Хейни – так он называл Генриха Гиммлера), – прибыл в Варшаву и приказал людям из армейской инспекции: «Вышвырнуть всех долбанных евреев с

фабрики Тоббенса, а его самого – в армию, и... на фронт!» Прямо так и сказал – на фронт! А затем Хейни приказал моим коллегам: «Изучите его бухгалтерские книги под микроскопом!»

Тоббенс был предметом обожания Инспекции по делам вооруженных сил, что выражалось для него в выгодных контрактах, а для них – в обилии подношений. И лишь бурные протесты Инспекции спасли Тоббенса, торжественно сообщил Шернер, и, склонившись к своей тарелке одарил Шиндлера широкой улыбкой:

– В Кракове такого не случится, Оскар. Мы слишком любим вас.

В это мгновение, решив продемонстрировать, с каким теплом все собравшиеся относятся к герру Шиндлеру, промышленнику, Гет поднялся на ноги и затянул мелодию без слов – в унисон с руладами из «Мадам Баттерфляй», которые старательно выводили братья Рознеры, как и подобало настоящим артистам, пусть даже судьба и обрекла их на существование на проклятом заводе в пределах проклятого гетто...

Пфефферберг и ординарец все еще находились наверху, в ванной Гета, пытаясь избавиться от плотной пробки в сливе. До них доносилась музыка Рознеров и бурные взрывы смеха, обрывки разговоров. Наступило время кофепития; измученная Лена обнесла гостей подносом и, стараясь не привлекать к себе внимания, удалилась на кухню.

Мадритч и Титч быстро допили кофе и, извинившись перед присутствующими, встали из-за стола. Шиндлер собрался сделать то же самое. Польская малышка решила было запротестовать, но он себя чувствовал не лучшим образом в этом доме. В «Гетхаусе» разрешалось все, что угодно, но Оскару это было неинтересно. Он с пронзительной ясностью оценивал каждое сказанное здесь слово, каждый выпитый стакан, знал он цену и здешним сексуальным утехам. Даже если уединяешься с девушкой наверху, невозможно забыть, что Бош, и Шернер, и Гет – твоя, черт возьми, компания, твои собратья по удовольствию! Поднимаясь по лестнице, заходя в ванную, а затем в спальню, они совершают те же действия, что и ты. Шиндлер был далеко не монахом, но он скорей предпочел бы стать таковым, чем делить женщину с Гетом.

Через голову соседки по столу он завел доверительный разговор с Шернером о военных новостях, о польских бандитах, о грядущей дурной погоде. Тем самым он дал понять молодой польке, что Шернер – его друг он никогда не позволит себе увести девушку у друга. Пожелав ей доброй ночи, он поцеловал ей ручку.

Он заметил, что Гет вышел через двери столовой и двинулся наверх по лестнице, поддерживаемый девушкой, которая во время обеда сидела рядом с ним. Извинившись перед сидящими за столом, Оскар успел перехватить коменданта – нагнав его, он положил руку на плечо Гета. Тот обернулся и попытался сфокусировать на нем взгляд.

– А, – пробормотал он. – Уходишь, Оскар?

– Мне надо домой, – ответил Шиндлер.

«Домой» – значило на квартиру Ингрид, его немецкой любовницы.

– Ну, ты и жеребец, – ухмыльнулся Гет.

– До тебя мне далеко, – возразил Шиндлер.

– Да, ты прав. По части траха я – олимпийский чемпион. Мы идем... куда мы идем?

Он повернул голову к девушке, но тут же сам ответил на свой вопрос:

– Мы идем на кухню – проверить, как Лена ее убрала.

– Нет, – со смехом опровергла его спутница. – Мы не этим будем заниматься.

И потащила его вверх по лестнице.

Это было благородно с ее стороны – ей стало жаль другую девушку, худенькую, забитую, беззащитную. Уводя Гета, она спасала Лену от очередного избиения.

Шиндлер посмотрел им вслед: грузный мужчина в офицерских галифе и стройная девица, с трудом взбирающиеся по ступенькам. Гет выглядел как человек, который, рухнув в постель, будет спать до середины дня, но Оскар знал, что могучий организм коменданта живет по собственным законам. В три утра Гету может приспичить встать, чтобы написать письмо

отцу в Вену. И, поспав всего час, с первыми лучами рассвета он способен выскочить на балкон со снайперской винтовкой в руках, чтобы пристрелить кого-то из замешкавшихся заключенных...

Когда Гет и его дама одолели первый лестничный марш, Шиндлер пересек холл и направился в заднюю часть дома.

Пфефферберг и Лизек слышали коменданта значительно раньше его появления: добравшись до спальни, он принялся что-то рассказывать своей спутнице.

Молча, бесшумно Пфефферберг и Лизек собрали свое оборудование, чтобы, прокравшись через спальню, выскользнуть из нее через боковую дверь.

Но Гет их засек: узрев штырь для чистки труб, он решил, что эти двое явились с целью покуситься на его жизнь. И только когда Лизек выступил вперед и дрожащим голосом начал говорить, комендант понял, что они всего лишь заключенные.

– Герр комендант, – докладывал Лизек, у которого перехватывало дыхание от вполне оправданного страха. – Хочу сообщить, что у вас в ванной заклинило сток...

– Ах, вот как, – сказал Амон. – И, значит, ты – специалист по очистке.

Он кивнул мальчишке:

– Подойди-ка, дорогой.

Едва сделав шаг вперед, Лизек получил такой жестокий удар, что улетел под кровать.

Амон снова повторил приглашение подойти, явно стараясь развлечь барышню зрелищем. С трудом встав, Лизек снова приблизился к коменданту, чтобы получить очередную плюху. Когда мальчишка поднялся во второй раз, Пфефферберг, как опытный заключенный, ждал чего угодно – например, что их сейчас погонят в сад, где обоих сразу пристрелит Иван...

Но вместо этого комендант просто рявкнул, чтобы они убирались, чему перепуганные заключенные незамедлительно подчинились.

Когда через несколько дней Пфефферберг услышал, что Лизек мертв – Амон застрелил его, он предположил, что поводом к убийству послужил инцидент в ванной. На самом деле причина была совсем другая: Лизек позволил себе запрячь лошадь в пролетку для герра Буша, не испросив предварительно разрешения у коменданта.

На кухне виллы горничная, чье настоящее имя было Хелен Хирш (Гет называл ее Леной из лени, считала она), подняв глаза, увидела в дверном проеме одного из гостей. Вздвогнув, она поставила на стол тарелку с остатками мяса и замерла в тревожном ожидании.

– Герр... – глянув на его смокинг, она наконец нашла подходящее слово для обращения к визитеру, – герр директор, я всего лишь собираю кости для собак герра коменданта...

– Пожалуйста, успокойтесь, – ответил Шиндлер. – Вы не обязаны докладывать мне, фрейлейн Хирш.

Он обошел вокруг стола.

Хотя он вроде не собирался приставать к ней, девушке было страшно. Амон обожал истязать ее, но еврейское происхождение спасало ее от сексуальных притязаний. Но теперь перед ней стоял немец, который не был столь подвержен расовым предрассудкам. К тому же она не привыкла к такому тону и вежливому обращению, хотя порой к ней на кухню забегали эсэсовцы и младший состав, чтобы пожаловаться на Амона, и они говорили с нею вполне нормально.

– Вы не знаете меня? – спросил гость, словно он был знаменитым футболистом или скрипачом, чье ощущение собственного величия оскорблял тот факт, что кто-то не знает его. – Я Шиндлер.

Она склонила голову.

– Герр директор, – сказала она. – Конечно же. Я слышала о вас... и вы тут бывали раньше. Я помню...

Он обнял ее за плечи, сразу же почувствовав, как напряглось ее тело, и легко скользнул губами по ее щеке.

– Не бойтесь... Это поцелуй совсем другого сорта, – пробормотал он. – Я целую вас из жалости... если хотите знать.

Она не смогла сдержать слез.

Шиндлер крепко поцеловал ее в лоб, на манер того, как в Польше прощаются на вокзалах, звучно причмокнув губами. Она увидела, что он тоже готов заплакать.

– Этот поцелуй – привет вам от... – Он махнул рукой, давая понять, что есть множество честных и благородных людей, скрывающихся во тьме, спящих на нарах в бараках или таящихся в лесах, людей, для которых она, принимавшая на себя побои Гета, была некой смягчающей их страдания посредницей.

Отстранившись от нее, герр Шиндлер полез в боковой карман и вытащил оттуда большую шоколадку еще довоенного производства.

– Спрячьте ее где-нибудь, – посоветовал он.

– Еды у меня тут хватает, – сказала она так, словно то, что ей не приходится голодать, было предметом ее гордости. Пища – это было последнее, что волновало ее. Она знала, что не выйдет живой из дома Амона, но уж точно не из-за того, что ей не хватит еды.

– Если вы не хотите съесть ее, продайте, – сказал Шиндлер. – Но вам не мешало бы поправиться.

Отодвинувшись, он оглядел ее с головы до ног.

– Ицхак Штерн рассказывал мне о вас.

– Герр Шиндлер... – пробормотала девушка. Опустив голову, она позволила себе несколько секунд поплакать. – Герр Шиндлер, ему нравится бить меня перед этими женщинами. В первый день он избил меня, потому что я выкинула кости от обеда. В полночь он спустился в подвал и спросил меня, где они. Они предназначаются для его собак, понимаете? Тогда он впервые избил меня. Я сказала ему... я не помню, что ему говорила; теперь я ничего не говорю... нет, я помню, я спросила: почему вы бьете меня? Он сказал: «Причина, по которой я бью тебя, в том, что ты спрашиваешь, за что я бью тебя».

Она покачала головой и пожала плечами, словно извиняясь, что позволила себе так разговаривать. Ей не хотелось откровенничать; не станет же она описывать бесконечные избиения, когда кулаки гауптштурмфюрера снова и снова ходят по ее телу...

Герр Шиндлер доверительно наклонился к ней.

– Да, у вас нелегкая жизнь, Хелен, – сказал он.

– Это не важно, – ответила она. – Я жду.

– Чего ждете?

– Что когда-нибудь он меня пристрелит.

Шиндлер покачал головой, а она подумала, что с ее стороны было бы слишком большой смелостью питать какие-то надежды. Может, хорошая одежда и вежливое поведение герра Шиндлера – всего лишь провокация...

– Ради Бога, герр директор, я тут такого навидалась. В понедельник мы поднялись на крышу скалывать лед, молодой Лизек и я. И мы видели, как герр комендант вышел из дверей и прошел на веранду, как раз под нами. И там, стоя на ступеньках, он выхватил револьвер и выстрелил в женщину, проходящую мимо. Она несла узел. Он попал ей прямо в горло. Женщина просто шла себе куда-то. Вы понимаете? Она была точно такая, как все остальные. Я не могла и представить, что он это делает! И чем больше я узнаю герра коменданта, тем отчетливее понимаю, что тут нет никаких правил и законов, которых можно было бы придерживаться. Вы не можете сказать себе: «Если я буду соблюдать эти правила, то буду в безопасности»...

Шиндлер взял ее за руку и осторожно, но горячо пожал ее.

– Послушайте, моя дорогая фройляйн Хелен Хирш... Несмотря на все, тут все же лучше, чем в Майданеке или Аушвице. Если вы сумеете сохранить свое здоровье...

– Я думала, – сказала она, – что тут, на кухне, будет легче. Когда меня перевели сюда из лагерного пищеблока, остальные девушки мне завидовали.

По губам ее скользнула скорбная улыбка.

Шиндлер снова повысил голос. Теперь он напоминал человека, растолковывающего школьнику законы физики:

– Он не убьет вас, моя дорогая Хелен, потому что вы доставляете ему слишком большое удовольствие. Вы так нравитесь ему, что он даже не позволяет вам носить звезду. Он не хочет, чтобы кто-нибудь знал, как ему нравится еврейка. Он застрелил ту женщину, потому что она ничего не значила для него, она была одной из многих, она была пустое место для него. Вы должны это понять. Но вы, вы... да, это гнусно, Хелен. Но такова жизнь.

Кто-то еще говорил ей эти слова. Лео Йон, заместитель коменданта. Унтерштурмфюрер СС.

– Он не убьет тебя, – сказал Йон, – будет тянуть до последнего. Потому что ему уж очень нравится вышибать из тебя дух!

Но в устах Йона эти слова звучали совсем по-другому.

Похоже, он понял, почему она оцепенела, и пробормотал какие-то подбадривающие слова: они еще увидятся, он попытается вытащить ее отсюда...

– Вытащить? – спросила она.

– С виллы, – объяснил он, – на мою фабрику. Вы должны были слышать: у меня фабрика эмалированной посуды.

– Ах, да, – воскликнула она, словно ребенок из трущоб, которому рассказывают о Ривьере. – «Эмалия» Шиндлера. Я слышала о ней.

– Берегите здоровье, – снова сказал он.

Похоже, с его точки зрения это было самым главным. И, казалось, он твердо знал о будущих намерениях и Гимmlера, и Франка, когда произносил это.

– Хорошо, – согласилась она.

Она повернулась к нему спиной и двинула вдоль стены полку с посудой – с силой, которой Шиндлер никак не ожидал в таком изможденном создании. Затем она вынула кирпич из той части стены, которую прикрывала полка, и вытащила сверток денег – оккупационных злотых.

– На лагерной кухне у меня сестра, – объяснила Хелен. – Она моложе меня. Я бы хотела, чтобы вы выкупили ее, если ее станут загонять в теплушку. Я догадываюсь, что вы часто уже заранее знаете о таких вещах.

– Постараюсь, – легким тоном, отнюдь не таким, которым дают торжественные обещания, ответил Шиндлер. – Сколько здесь?

– Четыре тысячи злотых.

Он небрежно взял их – ее деньги, трепетно хранимые на черный день, – и сунул в боковой карман.

«Ну что ж, в любом случае у него они будут в большей безопасности, чем на кухне Амона Гета», – подумала Хелен.

Так началась история Оскара Шиндлера, в которой было многое: и жестокость нацистов, и разгул эсэсовцев. В этой истории нашлось место и худенькой запуганной девушке, и даже шлюхе с золотым сердцем – она была хорошей немкой.

С одной стороны, Оскару Шиндлеру было жизненно важно знать подлинное лицо системы, жуткую морду под маской чиновничьей благопристойности. Раньше, чем многие

иные осмелились признаться себе, он понял, что означает термин *Sondlubehandlung*. Хотя он переводился всего лишь как «окончательное решение», слово это означало горы отравленных цианидом трупов в Бельзеце, Собиборе, Треблинке и в том комплексе к западу от Кракова, который был известен полякам как Освенцим-Бжезинка, а на западе под своим немецким названием – Аушвиц-Биркенау.

С другой стороны, Шиндлер был бизнесмен, делец по складу характера, он не мог открыто послать систему куда подальше. Он предвидел горы трупов, но не предполагал, насколько они вырастут в этом году и в следующем, так что превьсят Маттергорн...

Пока же он просто осознал, что множества смертей не избежать. Но всегда будет необходимость в труде евреев. Поэтому в разговоре с Хелен Хирш он и настаивал: «Берегите здоровье».

Он был уверен, как и евреи, согнанные в концлагерь в Плачуве, что ни один режим – как бы ни был он свиреп – не может позволить себе отказаться от такого количества бесплатных рабочих рук. И лишь тех, которые теряют силы, истощаются, сваливаются от болезней – лишь их отправляют в Аушвиц.

Шиндлер сам не раз слышал, как заключенные Плачува, согнанные на аппельплац на утреннюю поверку, бормотали про себя: «По крайней мере у меня пока есть силы», – тоном, которым в нормальной жизни говорили лишь старики.

Так, с этого зимнего вечера начались долгие дни и ночи, в течение которых герр Шиндлер спас многие человеческие жизни.

Он увяз с головой; он с такой невообразимой дерзостью нарушал законы рейха, что это непременно должно было привести к его многократному обезглавливанию, повешению или уничтожению в бараках Аушвица или Гросс-Розена.

Но он еще не знал, во что ему это обойдется.

Хотя фортуна пока всегда была на его стороне, он не знал, какую плату ему придется выложить за свои поступки.

История эта началась с простого и банального акта доброты – поцелуй, мягкий голос, шоколадка. Хелен Хирш так никогда больше и не увидела свои 4000 злотых – во всяком случае, она не имела возможности подержать их в руках и сосчитать. Но до сего дня она считает сущей безделицей небрежность Оскара в обращении с деньгами.

Глава 1

Бронированные армады генерала Зигмунда Листа, рванувшись на север, с обеих сторон обошли жемчужину польских городов – Краков. Случилось это 6 сентября 1939 года.

И для Оскара Шиндлера, прибывшего вслед за ними, город стал на последующие пять лет убежищем, его устричной раковиной. Национал-социализм решительно разочаровал его уже через месяц, но Шиндлер не мог не сообразить, что Краков с его железнодорожным узлом и пока еще достаточно скромной промышленностью станет бурно развиваться при новом режиме. И в его пределах Шиндлер больше не будет простым коммивояжером. Он станет подлинным магнатом.

Далеко не просто обнаружить в истории семьи Шиндлеров происхождение тех импульсов, которые побудили его предпринять беспрецедентную операцию по спасению сотен людей.

Он родился 28 апреля 1908 года в Австро-Венгерской империи Франца-Иосифа, в холмистой Моравской провинции. Местом его рождения был промышленный город Цвиттау, куда в силу коммерческих интересов предки Шиндлеров переехали из Вены еще в начале XVI столетия.

Герр Ганса Шиндлера вполне удовлетворял миропорядок империи, он считал себя австрийцем и говорил по-немецки в застольях, по телефону, в деловых взаимоотношениях, а также в минуты нежности. И когда в 1918 году герр Шиндлер и члены его семьи вдруг стали гражданами Чехословацкой республики Масарика и Бенеша, данное открытие отнюдь не расстроило отца и, уж конечно, его десятилетнего сына. Гитлер ребенком, а особенно став взрослым, мучительно переживал разрыв мистического единства Австрии и Германии и их политическое разделение. Но даже тень подобных невзросов не омрачала детство Оскара Шиндлера; ему и в голову не приходило, что он, мол, лишен некоего наследства. Чехословакия казалась такой уютной мирной республикой – словно яблоко, запеченное в тесте, – что немецкоговорящая община обрела в ней вполне достойное место, даже при том, что времена Депрессии и кое-какие глупости со стороны правительства все же привнесли определенные осложнения в ее существование.

Цвиттау, родной город Оскара, был небольшим, покрытым угольной копотью местечком на южных отрогах горного хребта Есеник. Окружающие его холмы хоть и были изуродованы промышленностью, но все же частично сохранили былую растительность и радовали глаз лиственными деревьями, елями и соснами.

Община немецкоговорящих – *Sudetendeutschen* – организовала в Цвиттау немецкую начальную школу, которую и посещал Оскар. Здесь же он прошел курс реальной гимназии, из которой предполагалось выпускать специалистов в точных науках – для работы в шахтах, на производстве, на гражданской службе. Они должны были способствовать промышленному развитию района. У герра Шиндлера-старшего здесь имелся завод сельскохозяйственного оборудования, и он рассчитывал, что образование Оскара позволит ему унаследовать семейное дело.

Шиндлеры были католиками. Как и семья молодого Амона Гета, который к тому времени тоже завершил курс наук и готовился к экзаменам на аттестат зрелости в Вене.

Мать Оскара Луиза соблюдала религиозные каноны со всей присущей ей энергией, и по воскресеньям ее одеяния благоухали запахом ладана, облака которого поднимались к сводам церкви Святого Мориса во время мессы. Ганс Шиндлер относился к тем мужьям, которые религиозную часть жизни полностью поручали попечению женщин. Ганс отдавал предпочтение коньяку и любил посидеть в кофейнях. Добропорядочного монархиста, господина

Ганса Шиндлера неизменно окружала атмосфера уютного аромата дорогих напитков, хорошего табака и склонностей к радостям земным...

Семья жила в современной вилле с собственным садом по другую сторону промышленного района города. У Шиндлеров было двое детей – Оскар и его сестра Эльфрида. О том, как обстояли дела внутри семьи, нам почти ничего неизвестно, кроме самых общепринятых расхожих представлений. Мы знаем, например, что фрау Шиндлер расстраивалась из-за того, что сын, подобно отцу, был не очень ревностным католиком.

Но жизнь их ничем не омрачалась. Из того немногого, что поведал сам Оскар Шиндлер о своем детстве, можно понять, что темных воспоминаний по себе оно не оставило.

Сквозь ветви елей в саду пробивался солнечный свет. К исходу короткого лета поспевали сливы. Начиная с июня, Оскар лишь изредка ходил к мессе, а если и ходил, то его возвращение домой отнюдь не было отягощено осознанием своих грехов. Он выгонял на солнышко из гаража машину отца и увлеченно копался в ее двигателе. Или же, расположившись на крыльце у черного хода, перебирал карбюратор мотоцикла, который смастерил своими руками.

У Оскара имелись еврейские друзья из средней еврейской буржуазии, чьи родители тоже посылали их учиться в немецкую школу. Дети эти не относились к провинциальным ашкенази – странным ортодоксам, говорившим только на идише. Отпрыски еврейских дельцов говорили на нескольких языках и весьма вольно относились к ритуальным обычаям. Именно в такой еврейской семье – по другую сторону долины, в Бескидских горах – незадолго до того, как в среде солидных немецких бюргеров появился на свет Ганс Шиндлер, родился Зигмунд Фрейд.

Последующие поступки Оскара Шиндлера берут свое начало в воспоминаниях детства. Юному Оскару приходилось защищать еврейского мальчика, которого обижали по пути домой из школы. Нет оснований с уверенностью утверждать, что так все и было, тем более что один еврейский ребенок, избавленный от необходимости хлюпать разбитым носом, еще ничего не доказывает. Ибо сам Гиммлер сетовал, выступая перед своими штурмовиками, на то, что, мол, у каждого немца есть еврейский приятель.

«Еврейский народ должен быть уничтожен, – так считал каждый член нацистской партии. – Да, такова наша программа: полное избавление от евреев, их поголовное уничтожение, о чем мы и позаботимся». И эту программу они старательно претворяли в жизнь: восемьдесят миллионов добропорядочных немцев, у каждого из которых был в друзьях один еврей. Конечно, все остальные – сущие свиньи, но вот этот-то единственный – очень даже порядочный...

Пытаясь найти истоки последующего энтузиазма Оскара – человека, который рос под сенью идей Гиммлера, – мы встречаемся с соседом Шиндлеров, жившим дверь в дверь с ними: с раввином доктором Феликсом Кантором.

Рабби Кантор полагал себя учеником Абрахама Гейгера, сторонника либеральных взглядов на иудаизм, который считал, что быть немцем и в то же время евреем – не преступление, а скорее добродетель. Рабби Кантор отнюдь не был ограниченным провинциальным схоластом. Он носил современную одежду и обиходным языком в его доме был немецкий. Место своего богослужения он называл храмом, а не старомодным наименованием «синагога». Его святилище посещали еврейские врачи, инженеры и владельцы текстильных предприятий в Цвиттау. Во время деловых поездок в другие города они рассказывали партнерам: «Наш рабби – доктор Кантор; он пишет статьи не только для еврейских журналов в Праге и Брно, но и для ежедневных немецких изданий».

Два сына рабби Кантора ходили в ту же школу, что и сын его немецкого соседа Шиндлера. Оба мальчика отличались блестящими способностями и призваны были стать двумя из немногих еврейских профессоров Немецкого университета в Праге. Эти стриженные ежиком вундеркинды в коротких, по колено, штанишках носились, болтая по-немецки, по саду летом. Дети Шиндлеров и Канторов, гоняясь друг за другом, играли в салки. И наблюдая, как они мелькают меж деревьев, доктор Кантор размышлял, что все развивается, как и предсказывали Гейгер, Гретц, Лазарус и другие немецко-еврейские либералы девятнадцатого столетия. «Мы ведем достойное светское существование, нас тепло принимают наши немецкие соседи – мистер Шиндлер даже позволяет себе в нашем присутствии ехидные реплики о чешских чиновниках! Мы занимаемся светскими науками и толкуем Талмуд в применении к сегодняшним дням. Мы принадлежим к двадцатому столетию, являясь в то же время наследниками традиций древнего народа. Мы ни на кого не нападаем и никого не оскорбляем».

Позже, в середине 30-х годов, рабби пришлось пересмотреть свои полные благодушие оценки и, в конце концов, прийти к выводу, что его сыновьям никогда не получить докторские степени при национал-социалистах, как бы хорошо его дети ни говорили по-немецки. Стало совершенно ясно, что ни точные науки двадцатого столетия, ни гуманитарные дисциплины не смогут уберечь евреев в той же степени, как и звание раввина, которое пока еще признавали новые немецкие законодатели.

В 1936 году Канторы перебрались в Бельгию.

И Шиндлеры никогда больше не слышали о них.

Раса, кровь и почва – эти понятия мало что значили для подрастающего Оскара. Он был одним из тех ребят, которым мотоцикл заменял весь мир. Да и его отцу – по духу механику – нравилась тяга мальчишки к стремительной могучей машине. В последний школьный год Оскар носился вокруг города на красном «Галлони», мощностью 500 кубиков. Его школьный приятель, Эрвин Трагач, с невыразимым удовольствием наблюдал, как красный «Галлони» летает по улицам городка, привлекая внимание прохожих на площади. У Оскара был не только единственный «Галлони» в Цвиттау, не только единственный итальянский мотоцикл на 500 кубиков в Моравии – но, скорее всего, единственная такая машина во всей Чехословакии!

Весной 1928 года, в последние месяцы возмужания Оскара, накануне того самого лета, в течение которого ему предстояло влюбиться и стать женатым человеком, он явился на городскую площадь обладателем «Мото Гуцци». Владели такими машинами на всем континенте, кроме Италии, еще только четыре человека, и все четверо считались гонщиками мирового класса – Гейслер, Ганс Винклер, венгр Джос и поляк Колачковский.

Кое-кто из горожан качал головой и говорил, что герр Шиндлер явно портит мальчишку...

Но для Оскара это лето было самым приятным и самым невинным. Паренек в плотно облегающем голову кожаном шлеме гонялся по трассам горной Моравии на ревущем «Мото Гуцци», выступая против команды местной фабрики. Политика совершенно не занимала его: достойный сын семьи, для которой самым ярким политическим жестом явилась зажженная в память Франца-Иосифа свеча.

Он был счастлив.

За пределами этих поросших сосняком склонов его ждал неудачный брак, экономический крах, семнадцать лет смертельно опасных политических игр.

Но грядущее еще не наложило свой отпечаток на лицо гонщика, который шурился от ветра, бьющего в глаза на большой скорости, – он был молод, он еще не был профессионалом, все победы и потери только ожидали его впереди. И он был уверен, что главные призы еще не получил, потому что как гонщик – будет только побеждать!

Его первая серьезная гонка должна была состояться в мае, на горной трассе между Брно и Собеславом. Это было соревнование высшего класса, и дорогой игрушкой, которую преуспевающий герр Шиндлер подарил своему сыну, не пришлось ржаветь в гараже. Красный «Мото Гуцци» пришел третьим – после двух «Терро», которые были оснащены английскими моторами «Блекберн».

Для участия в следующем соревновании ему пришлось уехать далеко от дома – в район Алтфатера, в горы на границе Саксонии. Здесь же находился чемпион Германии в классе до двухсот пятидесяти кубических сантиметров Вальфрид Винклер и его старый соперник Курт Хенкельман на ДКВ с водяным охлаждением. Участвовали все гонщики из Саксонии – Горовитц, Кохер и Кливар; было еще несколько машин «Терро», тоже с английскими двигателями, и несколько «Ковентри Иглс». Считая и машину Оскара Шиндлера, в гонке участвовали еще три «Мото Гуцци», а также настоящие звери из класса триста пятьдесят кубиков и «БМВ» из класса пятьсот куб. см.

Это был едва ли не лучший день в жизни Оскара, поначалу полный ничем не омраченного счастья.

На первых же кругах он безоговорочно вошел в число лидеров, и теперь оставалось только ждать развития событий. Через час Винклер, Хенкельман и Оскар оставили горы Саксонии у себя за спиной, а остальные «Мото Гуцци» сошли с дистанции из-за разных механических поломок. Как Оскар и рассчитывал, на предпоследнем круге он обошел Винклера – и в гуле горячего гудрона, в мелькании сосен по обочинам перед ним замаячила победа, которая должна была положить начало его карьере выдающегося гонщика и позволить ему вести жизнь, полную странствий!

Завершая круг, который, по его мнению, был последним, Оскар обошел Хенкельмана, двух ДКВ, пересек линию и сбросил скорость. Должно быть, судьи что-то спутали, ибо толпа радостно возликовала, решив, что гонка завершена. Оскар почти сразу понял, что это не так, что он совершил типичную для любителей ошибку. Но было поздно: Вальфрид Винклер и Мита обошли его, и даже уставший Хенкельман смог вытолкнуть его с третьего места.

Тем не менее дома его чествовали. С технической точки зрения он уступил лишь лучшим гонщикам Европы.

Трагач предположил, что причина, по которой кончилась карьера Оскара как гонщика, носила экономический характер. Догадка была верна. Этим летом, после всего полутора месяцев ухаживания, он спешно женился на дочке фермера, потеряв расположение отца, у которого в то время работал.

Девушка, на которой он женился, была родом из деревни к востоку от Цвиттау. Она получила образование в монастырской школе и обладала качествами, которые восхищали Оскара в собственной матери. Овдовевший отец его жены был не столько крестьянином, сколько фермером, получившим хорошее воспитание. Во время Тридцатилетней войны его австрийским предкам удалось пережить бесконечные кампании, мор и чуму, опустошавшие плодородные земли. Через три столетия, в преддверии новой эры, полной риска и опасностей, его дочь заключила необдуманный брак с несформировавшимся юнцом.

Ее отец был разочарован столь же глубоко, как и отец Оскара.

Гансу не понравился выбор сына, ибо он видел, что Оскар женился по его, Ганса, неудачному примеру. Чувственный муж, юноша с неустановившимся характером, он слишком рано решил обрести в жизни мир и покой при помощи неискушенной, грациозной девушки, смахивающей по своим убеждениям на монахиню.

Оскар встретил Эмили на какой-то вечеринке в Цвиттау. Она приехала в гости к своим друзьям, родом из той же деревни Альт-Монштейн. Оскар хорошо знал эти места – ведь как раз здесь он продавал трактора.

Когда в приходской церкви Цвиттау было объявлено о бракосочетании, кое-кто, посчитав, что молодожены совершенно не подходят друг к другу, стал искать иные мотивы брака, кроме любви. Их можно было понять, потому что этим летом предприятие Шиндлера-старшего оказалось в трудном положении из-за того, что продолжало производить трактора с паровым двигателем, которые перестали пользоваться спросом у фермеров. Большую часть своего заработка Оскар вкладывал обратно в дело, и тут – вместе с Эмили – ему в руки упало приданое в полмиллиона рейхсмарок: солидный капитал с любой точки зрения, который должен был заметно облегчить положение.

Однако на самом деле подозрения и слухи не имели под собой оснований, ибо этим летом Оскар был всецело в плену страсти.

К тому же отец Эмили не имел никаких оснований считать, что мальчишка утихомирится и будет хорошим мужем, а потому выплатил новоиспеченному зятю лишь часть полумиллионного наследства.

Сама же Эмили была только рада покинуть наскучившую ей деревню и выйти замуж за симпатичного Оскара Шиндлера. Ближайшим другом ее отца был неизменно нудный приходской священник. Эмили выросла, разливая им чай и слушая их наивные разговоры о политике и теологии. Если мы и дальше будем искать какие-либо связи с еврейской средой, то и в детстве Эмили они имели место – это был деревенский доктор, который пользовал ее бабушку, и Рита, внучка владельца магазина Рейфа. Во время одного из своих посещений фермы приходской священник сказал отцу Эмили: мол, с точки зрения принципов католицизма не очень хорошо, что ребенок водит дружбу с евреями. Набывчившись, полная детского упрямства, Эмили отказалась следовать эдикту священника. Ее дружба с еврейской девочкой длилась до того дня 1942 года, когда местный нацистский чиновник пристрелил Риту перед магазином.

После свадьбы Оскар и Эмили обосновались в своей квартире в Цвиттау.

Для Оскара 30-е годы стали эпилогом его блистательной ошибки на трассе Алтфатера летом 1928 года. Он отбыл военную службу в чехословацкой армии, и хотя там ему была предоставлена возможность ездить на машине, он понял, что ненавидит военную жизнь – не из соображений пацифизма, но из-за тех неудобств, которые она доставляет. Вернувшись домой, он не уделял внимания Эмили по вечерам, допоздна засиживался в кафе – холостяк холостяком, – выпивал и заговаривал с девушками, которые ничем не напоминали добродетельных монахинь.

Семейное предприятие обанкротилось в 1935 году, и в том же году отец Оскара оставил его мать, фрау Луизу Шиндлер, и снял себе квартиру.

Оскар возненавидел его за этот поступок и, заходя на чай к теткам, поносил Ганса, а порой произносил речи о предательстве своего отца по отношению к порядочной женщине даже на людях, в кафе. Похоже, он совершенно не замечал сходства между своим сомнительным браком и распавшимся браком отца.

Поскольку Оскар уже обрел хорошие деловые связи, да и в силу постоянного хорошего расположения духа, умения предлагать товар и пить, не пьянея, даже в самый пик эпохи Депрессии он получил работу заведующего торговым отделом «Моравиан Электротекник». Головная контора находилась в мрачной столице провинции, в Брно, и Оскар то и дело курсировал между Брно и Цвиттау. Ему нравились постоянные разъезды. Он уже наполовину

добился исполнения той цели в жизни, которую поставил себе, обойдя Винклера на трассе в Алтфатере.

Когда его мать умерла, он примчался домой и на похоронах стоял рядом со своими тетушками, сестрой Эльфридой и женой Эмили по одну сторону могилы, в то время как предавший покойную Ганс торчал в одиночестве – не считая, разумеется, приходского священника – в головах гроба.

Кончина Луизы освятила неприязнь между Оскаром и Гансом.

Оскар не мог понять (это доступно только женщинам), что, в сущности, и он, и Ганс были товарищами по несчастью, просто один из них был отец, а другой – сын.

Во время похорон Оскар нацепил *Hakenkreuz* — эмблему партии судетских немцев Конрада Гейнлейна. Ни Эмили, ни его тетки не одобрили его выбор, но и не приняли его слишком близко к сердцу – в этом году все молодые чешские немцы красовались с такими значками. Только социал-демократы и коммунисты отказывались от подобных эмблем и не записывались в партию Гейнлейна. Но, видит бог: Оскар не был ни социал-демократом, ни коммунистом. Оскар был торговцем. Все должно идти по правилам: когда вы оказываетесь среди немецких предпринимателей с таким значком на лацкане, вы получаете заказ.

Его книга заказов была заполнена до предела, и он не успевал записывать новые в эти месяцы 1938 года, незадолго до того, как германские дивизии вошли в Судеты. Оскара не покидало ощущение, что грядет резкий поворот истории.

Каковы бы ни были мотивы, заставившие его присоединиться к Гейнлейну, но как только немецкие дивизии вошли в Моравию, он решительно разочаровался в национал-социализме, столь же быстро, как и в своем браке. Похоже, он предполагал, что силы вторжения помогут основать некую братскую Судетскую республику. Позже он говорил, что был поражен жестоким обращением с чешским населением, а также разбойным захватом имущества, принадлежащего чехам. Его первый акт сопротивления, о котором имеется документальное свидетельство, последовал очень рано, еще в преддверии мирового конфликта: протекторат Богемии и Моравии, провозглашенный Гитлером в замке Градчаны в марте 1939 года, неприятно поразил его жестокими проявлениями тирании.

Но два человека, чьи мнения он уважал больше всего, – Эмили и прохладно относящийся к нему ее отец, – не воспринимали все происходившее как неудержимое нашествие тевтонов, оба уверенно утверждали, что успехи Гитлеру не светят. Их мнение носило не слишком обоснованный характер, как, впрочем, и точка зрения Оскара. Эмили же просто считала, что человека, объявившего себя живым богом, ждет кара. А герр Шиндлер-старший, чья точка зрения стала известна Оскару от тетки, апеллировал к основным историческим принципам. Неподалеку от Брно текла река, на берегах которой Наполеон одержал свою знаменитую победу при Аустерлице. Ну, и какая судьба постигла триумфатора Наполеона? Он стал никем, выращивая картошку на островке, затерянном в Атлантике. То же самое ждет и этого типа, Гитлера. Человек идет к цели, пользуясь не столько жестким канатом, считал герр Шиндлер-старший, сколько упругой пружиной. И чем сильнее ты сжимаешь ее, тем мощнее тебя отбросит в начальную точку. Этому герра Ганса Шиндлера научила жизнь, неудачный брак и экономический крах.

А вот его сын Оскар не был открытым противником нового режима. Как-то осенним вечером молодой Шиндлер посетил прием, устроенный в санатории, расположенном на холмистой местности под Оставой, недалеко от польской границы. Хозяйкой санатория была клиентка и приятельница Оскара. Она познакомила его с представительным немцем по имени Эберхард Гебауэр. Они завели разговор о бизнесе, о действиях, которые могут предпринять Франция и Англия, а также Россия. Затем, прихватив с собой бутылку, они удалились в сосед-

ную комнату, чтобы, как выразился герр Гебауэр, поговорить более откровенно. Здесь Гебауэр представился офицером разведывательной службы абвера адмирала Канариса и осведомился у своего собутыльника: не хочет ли он поработать на иностранный отдел абвера? У Оскара были счета и деловые интересы по ту сторону границы – в Польше, по всей Галиции и Верхней Силезии. Согласен ли он оказать содействие абверу – вести военную разведку в данном регионе? Гебауэр сказал, что знает от их общей приятельницы, хозяйки заведения, что Оскар умен и общителен. Обладая такими качествами, он может принести пользу: не только сообщать о промышленных и военных объектах в данном районе, но и вербовать немцев из Польши в ресторанах, барах или во время деловых встреч.

И снова, в виде оправдания молодого Оскара, можно упомянуть, что он согласился работать на Канариса как агент абвера только потому, что это позволяло ему избежать службы в армии. Что в основном и привлекло его в этом предложении. Он не сомневался, что вторжение немцев в Польшу неизбежно. Как и строевой офицер, который, сидя рядом на кровати, пил с ним из одной бутылки, он должен был одобрять процветание своей нации, хотя ему не нравились средства, которыми это процветание приходилось созидать. Оскар понимал идеологию Гебауэра: он и его коллеги по абверу находили для себя в происходящем моральное оправдание, считая себя элитой, придерживавшейся заповедей христианства. Такой подход не мешал им планировать военное вторжение в Польшу, но они с презрением относились к Гиммлеру и СС, с которыми абверу приходилось вести борьбу за контроль над душами немецкого народа.

Позже, в ходе различных поисков в архивах разведки, удалось найти донесения Оскара – исчерпывающие и толковые. Во время поездок в Польшу по заданиям абвера он доказал, что обладает даром очаровывать людей и получать от них информацию, особенно в ходе светских сборищ – за обеденным столом, во время коктейлей. Нам неизвестна истинная суть или важность тех сведений, которые он находил для Гебауэра и Канариса, но Краков очень пришелся ему по душе, когда выяснилось, что хотя его нельзя считать крупным промышленным центром, однако он вполне прекрасный средневековый город, окруженный кольцом металлургических, текстильных и химических предприятий. Что же касается немоторизованной Польской армии, все ее секреты лежали на поверхности.

Глава 2

В конце октября 1939 года два молодых немецких фельдфебеля зашли в выставочный зал фирмы «Дж. С. Бучхайстер и компания» на Страдомской улице Кракова и выразили настоятельное желание купить несколько отрезов дешевых тканей, чтобы послать их домой. Клерк, стоявший за конторкой, еврей с желтой звездой на груди, объяснил им, что у Бучхайстера не продают товар отдельным покупателям, а снабжают им фабрики одежды и оптовых потребителей. Убедить солдат ему не удалось. Когда пришло время расплачиваться, они с шутовскими ужимками сунули клерку баварскую банкноту 1858 года и оккупационную марку германской армии, датированную 1914 годом.

– Отличные деньги, – сказал один из них еврейскому кассиру.

Они были здоровыми молодыми людьми, которые провели всю весну и лето на маневрах, а в начале осени им без больших трудов достался триумф победы и все преимущества завоевателей в этом приятном городе. Кассир был вынужден взять предложенное, но постарался выпроводить их из магазина до того, как положил деньги в звякнувшую кассу.

Во второй половине дня сюда же явился молодой немец, контролировавший торговый баланс; официальная его должность была искусно закамуфлирована титулом представителя Восточной компании вкладов, а по сути, он должен был принять все еврейские предприятия и вести дальше их дела. Он был одним из двух официальных лиц, назначенных к Бучхайстеру. Первым был Зепп Ойе, старший инспектор, неприятный человек средних лет, а вторым – этот хваткий молодой делец. Он проверил бухгалтерские книги и кассу. Оттуда он извлек не имеющие стоимости купюры.

– Что это значит, что это за дурацкие бумажки?

Еврей-кассир поведал все, как было, но инспектор обвинил его в том, что он сам подсунил эти древние бумажки вместо твердых золотых. Тем же днем, поднявшись на второй этаж склада Бучхайстера, хватистый молодой человек сообщил Зеппу Ойе о происшедшем и выразил мнение, что они должны вызвать *Schutzpolizei*.

И герр Ойе, и молодой финансист – оба они знали, к чему это приведет: кассир окажется в тюрьме СС на Монтелюпичской. Молодой инспектор считал, что таким образом представится великолепный повод сменить весь еврейский штат Бучхайстера. Но эта идея неприятно поразила Ойе, у которого был тайный повод отнестись к ней отрицательно: его бабушка была еврейкой, хотя этого никто не знал.

Ойе отправил посыльного с запиской к главному бухгалтеру компании, польскому еврею Ицхаку Штерну, который лежал дома с гриппом. Ойе был политическим назначенцем, и опыта в бухгалтерии у него было маловато. Он хотел, чтобы Штерн явился в контору и разрешил безвыходную ситуацию с отрезами и банкнотами. Едва только он отослал записку Штерну в Подгоже, как в кабинет зашел секретарь и сказал, что его ждет герр Оскар Шиндлер, утверждающий, что они ранее договорились о встрече. Выйдя в приемную, Ойе увидел высокого молодого человека, безмятежного, как датский дог, который спокойно курил в ожидании. Они действительно виделись на каком-то приеме предыдущим вечером. Оскар был там с девушкой из судетских немцев по имени Ингрид, служившей *treuhandler* – инспектором еврейской компании металлических изделий, так же, как Ойе был *treuhandler* у Бучхайстера. В компании друзей из абвера Оскар и Ингрид, не скрывавшие своей увлеченности друг другом, были заметной парой.

Герр Шиндлер интересовался возможностями приложения его сил и средств в Кракове.

– Текстильная промышленность? – переспросил Ойе. – Это не только форменная одежда. Польский рынок сам по себе достаточно велик, на нем господствуют достаточно высокие цены, которые устраивают всех нас. Вы можете сами посмотреть предприятие Бучхайстера, – пред-

ложил он Оскару, еще не зная, как будет сожалеть о последствиях не совсем трезвого недавнего разговора, состоявшегося часа в два ночи.

И теперь Шиндлер понял, что Ойе уже раскаивается в своем недавнем великодушии.

– Если это вас не затруднит, герр *Treuhander*, – тем не менее подтвердил свои намерения Оскар.

Герр Ойе ответил, что нет, ни в коем случае не затруднит, и провел его через склад – и дальше, через двор, к ткацкому цеху, где с конвейера сходили большие рулоны золотистой ткани. Шиндлер спросил, не доставляют ли поляки беспокойства господину инспектору.

– Нет, – ответил Зепп, – они скорее сотрудничают. Правда, мрачноваты. Но в конце концов, тут ведь не завод боеприпасов.

Шиндлер столь явно производил впечатление человека со связями, что Ойе не устоял перед искушением осторожно задать вопрос: знает ли Оскар кого-либо из Главного управления по делам вооруженных сил? Например, генерала Юлиуса Шиндлера. Может, генерал Шиндлер его родственник?

– Это не имеет ровно никакого значения, – с обезоруживающей улыбкой ответил герр Шиндлер (генерал Шиндлер не имел к нему никакого отношения). – По сравнению с другими, – добавил Оскар, – генерал еще далеко не самый дурной человек в мире.

Ойе согласился. Ему самому никогда не доводилось обедать с генералом Шиндлером или встречаться с ним за выпивкой.

Вернувшись в контору, они встретили Ицхака Штерна, еврейского бухгалтера Бучхайстера; в ожидании их он сидел на стуле, предложенном секретарем Ойе, сморкаясь и кашляя. Встав, он сложил руки перед грудью и проводил почтительным взглядом представителей армии завоевателей, которые, миновав его, проследовали в кабинет. Ойе предложил Оскару выпить, извинился и оставил его у камина, выйдя переговорить со Штерном.

Тот был худ, в нем чувствовалась сдержанность, присущая ученому. Его манера поведения и в самом деле была свойственна скорее толкователю Талмуда, облагороженному европейским интеллектом. Ойе изложил ему историю с двумя солдатами и предложение, которое сделал молодой немецкий бухгалтер. Из сейфа он вынул злосчастные купюры: баварскую 1858 года и оккупационную 1914-го.

– Я надеюсь, вы можете организовать соответствующую бухгалтерскую процедуру, чтобы разрешить проблему, – сказал Ойе. – Эта история может вызвать в Кракове большой резонанс.

Взяв банкноты, Ицхак Штерн внимательно изучил их. Он и правда знает, что делать в таком случае, сказал он господину инспектору. Без тени улыбки, не моргнув глазом, он пересек комнату и, подойдя к камину, бросил обе банкноты в огонь.

– Я спишу эту транзакцию по графе потерь, как «выставочные экземпляры» продукции, – сказал он. – Начиная с сентября, таковых было немало.

Ойе оценил решительный и эффективный подход Штерна к решению проблемы. Он не смог удержаться от смеха, поскольку нелепая с виду тощая фигура бухгалтера, продемонстрировавшего ему эдакую местечковую находчивость, воплощала в себе весь клубок особенностей Кракова как такового – только местные обитатели знают, за какой конец ниточки ухватиться и потянуть. А в кабинете у него, Ойе, сидит герр Шиндлер, жаждущий получить информацию о местных перспективах...

Ойе пригласил Штерна в кабинет управляющего для встречи с Шиндлером, который сидел, глядя в огонь и рассеянно покачивая в руке закупоренную фляжку. Сначала Ицхак Штерн подумал, что этот немец – не из покладистых. Ойе носил на лацкане символ своего фюрера – миниатюрную свастику – с той же небрежностью, с какой другой бы украсил себя значком мотоциклетного клуба. Но большая, размером с солидную монету, эмблема Шиндлера

будто поглощала свет черной эмалированной поверхностью. И она, и атмосфера преуспевания, окружавшая этого молодого человека, больше чем что-либо другое дали Штерну понять, что польских евреев ждет невеселая холодная осень.

Ойе представил их друг другу. В соответствии с последним указом губернатора Франка, Штерн обратился к нему со словами:

– Должен сообщить вам, что я еврей.

– Ну и что? – бросил ему Шиндлер. – А я немец. Каждый при своем!

«И это прекрасно, – едва не пробормотал вслух Штерн, уткнувшись в свой носовой платок. – Но, на всякий случай, не мешало бы вам заглянуть в указы».

Ибо Ицхаку Штерну – уже сейчас, когда не прошло и семи недель после введения «нового порядка» в Польше, – приходилось существовать в соответствии не только с этим указом, но и со многими другими.

Ганс Франк, генерал-губернатор Польши, лично подписал и выпустил в свет целых шесть ограничительных указов, поручив остальные правителю округа, доктору Отто Вахтеру, группенфюреру (генерал-майору) СС.

Штерн, кроме неопровержимого оповещения о своем происхождении, обязан был иметь при себе специальное регистрационное удостоверение с желтой полосой. Когда Штерн, кашляя, стоял перед Шиндлером, уже три недели действовал указ, запрещающий приготовление кошерного мяса, а также оповестивший о создании трудовых лагерей для евреев. Официальный рацион питания, полагающийся Штерну как «унтерменшу» (недочеловеку), был лишь чуть больше половины того, что полагалось полякам и неевреям, хотя и они тоже получали его как унтерменши.

И, наконец, 8 ноября было выпущено распоряжение, потребовавшее от всех краковских евреев не позже 24-го числа пройти регистрацию.

Штерн в полном спокойствии и некой абстрактной созерцательности осознавал, что указы будут продолжать выходить в свет, все более отсекая его жизнь, пока у него не останется право только дышать.

Большинство краковских евреев также ждали бурного потока распоряжений. Жизнь затрещала по всем швам – евреев из *shtetls*, маленьких местечек, отправляли в город работать в угольных разрезах, интеллектуалов же гнали на село убирать навоз. Время от времени возникали спорадические боины, как, например, в Турске, где дивизион артиллерии СС заставил людей весь день работать, наводя мост, а вечером всех согнали к деревенской синагоге и расстреляли.

Такие события будут теперь происходить постоянно. Но рано или поздно все как-то наладится, устроится; еврейский народ постарается выжить, подавая прошения и подкупая власти – старый метод, он срабатывал еще во времена Римской империи, сработает и сейчас. В конце концов, гражданским властям нужны евреи, особенно если они составляют десятую часть населения! И все же Штерн смотрел в будущее без оптимизма, он не был прожектором. Он не считал, что законодатели в ближайшее время утихомятятся и можно будет начать с ними серьезные переговоры.

Их, евреев, ждут куда худшие времена.

Но поскольку он не знал, с какой стороны полыхнет пламя и какой оно будет силы, дабы испепелить их, он предпочитал не думать о будущем.

– Весьма любезно с вашей стороны, герр Шиндлер, что вы своим замечанием благородно дали мне понять, что мы на равных.

– Этот человек, – представил Ойе Ицхака Штерна, – правая рука Бучхайстера. У него хорошие связи в деловом мире Кракова.

Штерн находился не в том положении, чтобы спорить с Ойе. Кроме того, он не знал, почему *treuhander* рассыпается в любезностях перед невозмутимым визитером.

Ойе извинился и покинул их.

Оставшись наедине со Штерном, Шиндлер заявил, что был бы весьма благодарен, если бы бухгалтер ввел его в курс дела относительно некоторых местных предприятий. Пытаясь понять, что нужно Оскару, Штерн предположил, что, может быть, герру Шиндлеру лучше переговорить с официальными представителями?

– Они все воры, – откровенно сказал герр Шиндлер. – И к тому же замшелые бюрократы. А мне нужна откровенная оценка, – он пожал плечами. – По духу я капиталист и терпеть не могу, когда меня вводят в какие-то рамки.

После этого заявления Штерн и новоявленный капиталист вступили в разговор.

Штерн оказался бесценным источником информации; казалось, у него были друзья и родственники едва ли не на каждом предприятии Кракова – на текстильных, по пошиву одежды, на кондитерских и мебельных фабриках и машиностроительных предприятиях. Герр Шиндлер был приятно поражен. Он извлек из нагрудного кармана какой-то конверт.

– Вы знаете компанию «Рекорд»? – спросил он.

Ицхак Штерн знал ее. Она находится на грани краха, сказал он. Она производит эмалированную посуду. После банкротства часть прессов для металла будет конфискована, да и сейчас от нее осталась лишь оболочка, в пределах которой производится – под управлением одного из родственников бывшего владельца – лишь малая часть того, что можно было бы выпускать. Его брат, сказал Штерн, представляет шведскую компанию, которая является одним из основных кредиторов «Рекорда». Штерн позволил себе небольшую нотку покровительственной гордости.

– Предприятие очень плохо управлялось, – сказал он.

Шиндлер бросил конверт на колени Штерна:

– Здесь их балансовый отчет. Скажите мне, что вы о нем думаете.

Штерн ответил, что герр Шиндлер, конечно же, может с таким же успехом задать этот вопрос кому-то другому, а не ему.

– Конечно, – согласился Оскар. – Но я ценю именно ваше мнение.

Штерн быстро просмотрел балансовый отчет; после трех минут его изучения он почувствовал, что в кабинете воцарилось какое-то странное молчание, и, подняв глаза, увидел, что герр Оскар Шиндлер не сводит с него взгляда.

Штерн был в полной мере одарен доставшейся ему от предков способностью нюхом чуеть того гоя, который может охранить или даже в какой-то мере укрыть тебя от ненависти и дикости других. Это было странное ощущение надежности, защищенности. И с этой минуты надежда, что под крылом герра Шиндлера он сможет найти спасение, внесла своеобразный оттенок в их общение, подобно тому, как намек на интимные отношения окрашивает разговор мужчины и женщины на вечеринке. Это было всего лишь смутное ощущение, которое волновало Штерна, естественно, куда больше, чем Шиндлера, и о котором он не осмеливался дать понять собеседнику, дабы не нарушить установившуюся между ними связь.

– Но дело само по себе отличное, – сказал Штерн. – Вы можете поговорить с моим братом. И, конечно же, есть перспектива заключения военных контрактов...

– Конечно, – подтвердил герр Шиндлер.

Почти сразу же после падения Кракова, еще до того, как завершилась осада Варшавы, в генерал-губернаторстве была организована Инспекция по делам вооруженных сил, в обязанности которой входило заключение контрактов с промышленниками, способными снабжать армию всем необходимым. На таком предприятии, как «Рекорд», с успехом можно было бы

производить походные котелки и полевые кухни. Инспекцию, как Штерну было известно, возглавлял генерал-майор вермахта Юлиус Шиндлер. Не был ли данный генерал родственником Оскара Шиндлера, спросил Штерн.

– Нет, увы, нет, – ответил Шиндлер таким тоном, будто просил Штерна сохранить данный факт в тайне.

– Во всяком случае, – заметил Штерн, – даже в сегодняшнем состоянии «Рекорд» может выдавать продукции больше, чем на полмиллиона злотых в год, а если установить новые прессы и печи для обжига – доход вырастет вдвое. На какие средства их установить? Это зависит от способности герра Шиндлера заполучить кредиты.

– Эмалированная посуда, – сказал Шиндлер, – больше отвечает моему профилю, чем текстиль. В недавнем прошлом я выпускал сельскохозяйственное оборудование, так что разбираюсь в паровых прессах и тому подобном.

Штерну не пришло в голову спросить, по какой причине столь преуспевающий немецкий предприниматель выразил желание поговорить о деловых предложениях именно с ним. Подобные сделки сопутствовали всей истории еврейского народа, нормальный деловой обмен мнениями не нуждался в объяснениях. Штерн принялся растолковывать, на каких условиях коммерческий суд согласится сдать в аренду обанкротившееся предприятие. Арендное владение, которое потом можно выкупить, – это лучше, чем положение инспектора, который полностью находится под контролем Министерства экономики.

Понизив голос, Штерн рискнул спросить:

– Вы понимаете, что количество людей, которых вам будет разрешено взять на работу, вскоре будет сильно ограничено?

Шиндлер оживился:

– Как вы об этом узнали? Об окончательном решении?

– Я читал в «Берлинер Тагеблатт». Пока еще евреям разрешается читать немецкие газеты. Рассмеявшись, Шиндлер протянул руку и позволил ей опуститься на плечо Штерна.

– Вот как? – спросил он.

На самом деле Штерн знал об этом, потому что Ойе получил депешу от рейхссекретаря Министерства экономики Эберхарда фон Ягвитца, излагающую политику ариизации сферы бизнеса. Ойе передал ее Штерну, чтобы тот подготовил краткое изложение меморандума. Скорее с сокрушением, чем с возмущением фон Ягвитц констатировал: осуществляется давление со стороны остальных правительственных и партийных инстанций, например, со стороны РСХА (главного управления имперской безопасности – Reichssicherheitshauptamt) Гейдриха, то есть из штаб-квартиры тайной полиции рейха, с целью приватизировать не только руководство компаний, но и управленческий состав, и даже рабочую силу. И чем скорее удастся избавиться даже от опытных еврейских работников, тем лучше – конечно, при том неременном условии, что производство продукции будет оставаться на приемлемом уровне.

Герр Шиндлер засунул отчет о деятельности «Рекорда» обратно в нагрудный карман, встал и вышел в сопровождении Ицхака Штерна. Они постояли некоторое время среди машинисток и клерков, обмениваясь негромкими философскими фразами, которые Оскар любил порой высказывать.

Именно тогда Оскар понял, что начало христианства лежит в иудаизме; тема эта в силу каких-то причин – может, из-за детской дружбы с Канторами в Цвиттау – всегда интересовала его.

Штерн говорил тихо и вдумчиво. В свое время он публиковал в журналах статьи, посвященные сравнительному анализу религий. Оскар, который ошибочно считал себя в какой-то мере философом, встретил настоящего специалиста в этой области. А склонный к вдумчивому и углубленному до педантизма изучению предмета, Штерн обрел в лице Оскара понимающего собеседника – одаренного от природы умом, но лишеного концептуальной глубины. Но это

как раз Штерна не огорчало. Их столь неуместная дружба стала обретать под собой основу. Штерн принялся подыскивать исторические аналогии, как это делал отец Оскара, опираясь на опыт предыдущих империй и сопровождая их собственными объяснениями, пытаясь объяснить: почему Гитлеру не добиться конечного успеха.

Это вырвалось у него прежде, чем Штерн спохватился.

Остальные евреи, находившиеся в помещении, склонили головы и уставились в бумаги.

Шиндлер слушал совершенно спокойно.

В завершение их беседы Оскар сказал: в такие времена Церкви, должно быть, трудновато внушать людям, что их Отец Небесный заботится о жизни и смерти даже простого воробья. Я бы не смог быть священником, сказал герр Шиндлер, в такие времена, когда жизнь стбит не дороже пачки сигарет.

Штерн согласился, но в пылу дискуссии выдвинул предположение, что герру Шиндлеру было бы неплохо сопоставить ссылки на Библию с талмудической версией, которая утверждает, что тот, кто спасет жизнь хоть одного человека, спасет весь мир.

– Конечно, конечно, – согласился Оскар Шиндлер.

Прав он был или нет, но Ицхак Штерн всегда считал, что именно в это мгновение он бросил добрые семена во вспаханную борозду.

Глава 3

Был и другой краковский еврей, который рассказал о встрече с Шиндлером той осенью. Сам этот человек тогда находился на краю гибели. Имя его – Леопольд (Польдек) Пфедферберг. Он был командиром взвода польской армии во время последней трагической кампании. Получив ранение в ногу во время сражения на реке Сан (притоке Вислы), он доковылял до польского военного госпиталя в Пшеммысле, где стал помогать другим раненым. Он был не врачом, а преподавателем физики в старших классах, но окончил Ягеллонский университет в Кракове и имел кое-какое представление об анатомии. Это был крепкий, уверенный в себе двадцатисемилетний парень со стальными мускулами.

Вместе с несколькими сотнями польских офицеров, взятыми в плен под Пшемислем, Пфедферберга уже везли в Германию, когда поезд остановился в его родном городе Кракове и всех пленных согнали в зал ожидания первого класса, где им и предстояло пребывать, пока не подадут новый транспорт.

Дом Польдека находился в десяти кварталах от вокзала. Предприимчивому молодому человеку казалось просто чудовищным, что он не может выйти на улицу Павья и, вскочив в первый же трамвай, добраться до дома. Не попробовать ли ему обдурить стоящего у дверей юного охранника из вермахта?

В нагрудном кармане у Пфедферберга лежал документ, подписанный руководством немецкого госпиталя в Пшеммысле, в котором говорилось, что ему разрешается передвижение по городу в составе экипажа «Скорой помощи», для оказания содействия раненым из обеих армий. С формальной точки зрения, бумага вызывала доверие, на ней были все полагающиеся подписи и печати. Он подошел к охраннику и протянул ему документ.

– По-немецки читаешь? – спросил Пфедферберг.

Конечно, он отлично понимал, кого можно брать на арапа, а с кем лучше не рисковать. А еще – он был молод, умел убеждать, используя всю свою напористость, которая при этом не носила оскорбительного характера. В общем, следовало показать себя типичным поляком, с той примесью аристократизма, которая была свойственна членам польского офицерского корпуса – даже тем его редким членам, которые были евреями.

Охранник моргнул.

– Конечно, читаю, – сказал он.

Но, взяв документ в руки, он держал его перед собой, подобно человеку, не знающему грамоты, – как ломоть хлеба. Пфедферберг объяснил по-немецки, что документ дает ему право свободного выхода и устройства в гостинице. Охранник же видел только обилие официальных печатей. Настоящий документ.

И он мотнул головой на дверь.

Этим утром Пфедферберг оказался единственным пассажиром в трамвае первого маршрута. Еще не было шести часов. Кондуктор взял плату за проезд, не обратив на него особого внимания, потому что в городе было полно польских солдат, ускользнувших от вермахта. Офицерам следовало просто пройти регистрацию, вот и все.

Трамвай обогнул район Барбакан и через арку в древней крепостной стене двинулся вниз по Флорянской до церкви Святой Марии, через центральную площадь, от которой было пять минут до улицы Гродской. Недалеко от дома 48, где находилась квартира его родителей, он, припомнив мальчишеские забавы, прыгнул с трамвая до того, как сработал воздушный тормоз, и с разбегу подлетел к дверям.

После побега он жил без особых удобств, скитаясь по друзьям и лишь изредка навещая дом на Гродской. Открылись были еврейские школы – их окончательно запретили только через шесть недель, – и он мог бы вернуться к преподавательской работе. Он не сомневался, что пройдет некоторое время, прежде чем он привлечет внимание гестапо, и обратился за получением карточек на питание. Польдек не пошел в учителя, он предпочел на свой страх и риск заняться драгоценностями – стал агентом по продаже на черном рынке, который функционировал на центральной площади Кракова, под сводами Сукенице и рядом с двумя шпилями церкви Святой Девы Марии. Торговля носила быстрый и беспорядочный характер, участвовали в ней и поляки, но большей частью – польские евреи. Их продуктовые книжки, в которых то и дело отменяли те или иные купоны, позволяли им получать только две трети мясных продуктов и половину того количества масла, что выдавалось прочим согражданам, а купоны на какао и рис были им и вовсе недоступны. Черный рынок, который функционировал на протяжении всех столетий чужеземного владычества и нескольких десятилетий польской автономии, стал едва ли не единственным источником и пищи, и кое-каких доходов, и наглядным свидетельством противодействия режиму, которое оказывали даже почтенные горожане, не говоря уж о тех, кто, подобно Пфеффербергу, обладал деловой хваткой, почерпнутой на улицах.

Он прикидывал, что скоро сможет отправиться в дорогу по лыжным тропам Закопане в Татрах и через Словакию проскользнуть в Венгрию или Румынию. К такому путешествию он был вполне готов, поскольку в свое время был членом польской национальной сборной по лыжам. В квартире матери на самой высокой полке, заставленной фарфором, он хранил маленький пистолетик 22-го калибра – оружие, которое могло ему послужить и в ходе предполагаемого бегства, и в случае, если гестапо нагрянет к нему домой.

Вот этой-то полуигрушкой с перламутровыми щечками Пфефферберг стылым ноябрьским днем чуть не убил Оскара Шиндлера.

Шиндлер в своем двубортном смокинге с партийным значком на лацкане решил посетить миссис Мину Пфефферберг, мать Польдека, чтобы договориться с ней о заказе. Квартирный отдел рейха предоставил ему прекрасную современную квартиру на улице Страшевского. До этого она принадлежала еврейской семье Нуссбаум. Оскар получил эту квартиру без какой-либо компенсации предыдущим обитателям.

В тот день, когда Шиндлер явился в дом Пфеффербергов, миссис Мина решила, что такая же судьба теперь постигнет и их дом на Гродской.

Часть друзей Оскара позже утверждали – хотя это и невозможно доказать, – что Шиндлер-де позже разыскал обездоленных Нуссбаумов в их обителище на Подгоже и вручил им в виде компенсации сумму около 50 тысяч злотых. С помощью этих денег, как теперь принято считать, Нуссбаумам удалось оплатить свое бегство в Югославию. Эти пятьдесят тысяч злотых вполне можно было бы расценить как явный вызов режиму...

На самом деле Оскар позволил себе еще несколько подобных эскапад еще до Рождества. Некоторые из его друзей не могли не отметить, что благотворительность была неистребимым пороком Шиндлера, одним из его пристрастий. Например, он мог выложить водителю такси вдвое больше, чем полагалось по счетчику.

К тому же Шиндлер не был рьяным поклонником наместнической политики рейха, о чем открыто заявлял Штерну – и вовсе не во времена упадка режима, а еще в те давние упоительные осенние деньки.

Миссис Пфефферберг понятия не имела, почему этот высокий немец в хорошо сшитом костюме оказался у ее дверей. Он вполне мог разыскивать ее сына, который как раз в этот момент находился на кухне. Он также мог явиться, чтобы реквизировать ее квартиру, ее антиквариат, ее французские гобелены и, в конце концов, ее бизнес!

И действительно, чуть позже, в декабрьские дни праздника Хануки, немецкая полиция, получив приказ, появится у дверей Пфеффербергов и выгонит их, дрожащих от холода, на мостовую Гродской улицы. Когда миссис Пфефферберг попросит разрешения вернуться за пальто, она получит отказ; а когда мистер Пфефферберг явится в бюро с подношением в виде старинных золотых часов, он получит по физиономии.

«В прошлом я был свидетелем ужасных вещей, – скажет Герман Геринг, – все, от мелких шоферов до гауляйтеров, так набивали себе карманы в ходе этих акций, что теперь у каждого – по полумиллиону». То, что мистер Пфефферберг при помощи такой безделушки, как золотые часы, мог подвергнуть сомнению моральные устои партии, должно было бы потрясти Геринга. На самом деле в тот год в Польше гестапо не слишком церемонилось, откровенно разграбляя имущество конфискованных квартир.

Когда Шиндлер впервые появился в апартаментах Пфеффербергов, члены семьи занимались своими делами на втором этаже. Миссис Пфефферберг, окруженная образцами, отрезами тканей и кусками обоев, обсуждала их качество со своим сыном. Тут-то и постучал герр Шиндлер. Визит не особенно обеспокоил Леопольда. Из квартиры имелось два выхода на лестничную площадку, друг против друга – парадная дверь и черный ход на кухне. Леопольд прошел туда и сквозь щелку рассмотрел визитера. Он увидел внушительного мужчину в модном костюме и вернулся к матери в гостиную. «У меня ощущение, – сказал он, – что этот человек из гестапо. Когда тыпустишь его, я, как всегда, уйду через кухню».

Госпожу Мину Пфефферберг била дрожь, когда она открывала парадную дверь. Она слышала, как по коридору прошел ее сын. Пфефферберг взял пистолет и сунул его за пояс, надеясь, что звук открываемой двери поможет ему незаметно выскользнуть из квартиры. Но глупо было бы исчезнуть, не выяснив, что тут нужно этому солидному немцу. Не исключено, что его придется прикончить, после чего вся семья будет вынуждена бежать в Румынию.

Если неумолимое развитие событий заставило бы Пфефферберга выхватить пистолет и открыть огонь, то история этого месяца была бы отмечена и смертью, и бегством, и неизбежными жестокими репрессиями. Герра Шиндлера погребли бы после краткой заупокойной службы, и он, без сомнения, был бы отмщен. Всем его нереализованным возможностям настал бы конец. А в Цвиттау долго еще задавались бы единственным вопросом: «Чей он был муж?»

Голос посетителя удивил Пфеффербергов. Он был мягкий, спокойный, и хотя речь шла о деле, казалось, гость готов был попросить извинения за вторжение. За прошедшие недели они уже привыкли к грубым командным окрикам, вслед за которыми следовали обыски и изъятия. В голосе же этого человека слышались отеческие покровительственные нотки. Это могло плохо кончиться. Но вместе с тем в его визите было и что-то интригующее...

Выскользнув из кухни, Пфефферберг притаился за двойными дверями гостиной. Немца он почти не видел.

– Вы – миссис Пфефферберг? – спросил тот. – Вас рекомендовал мне герр Нуссбаум. Я недавно разместился в апартаментах на Страшевского и хотел бы изменить их декор.

Мина Пфефферберг продолжала держать посетителя на пороге. Она была так растеряна и говорила столь сбивчиво, что сын из жалости к ней появился в дверях, застегнув пиджак, скрывающий оружие. Пригласив гостя войти, он в то же время по-польски шепнул матери несколько ободряющих слов.

Наконец Оскар Шиндлер назвал.

Напряжение несколько спало, ибо герр Шиндлер дал понять, что Пфеффербергам нечего бояться. Он выразил свою расположенность к ним, обращаясь к матери через сына в роли переводчика.

– Из Чехословакии приезжает моя жена, – сказал он, – и я хотел бы, чтобы обстановка отвечала ее вкусам.

Он признал, что, конечно, Нуссбаумы великолепно обставили свое жилище, но они предпочитали массивную мебель и мрачные тона. Госпоже Шиндлер же нравится более живая обстановка, что-то во французском стиле, немного шведского – в таком духе.

Миссис Пфедферберг оправилась настолько, чтобы пробормотать, что она, мол, не знает, что и сказать, с наступлением Рождества у нее масса работы...

Леопольду показалось, что в ней сработало инстинктивное нежелание обслуживать немецкую клиентуру; но в эти времена немцы были единственным народом, столь уверенно глядевшим в будущее, что только они могли позволить себе заботиться об интерьере квартир. А миссис Пфедферберг нуждалась в хорошем контракте – ее муж потерял работу и теперь буквально за гроши работал в «Геймайнде», еврейском благотворительном бюро.

Не прошло и двух минут, как мужчины вступили в дружескую беседу. Пистолет за поясом Пфедферберга обрел статус оружия, которое если и понадобится, то в отдаленном будущем, при непредвиденной случайности. Уже не вызывало сомнений, что миссис Пфедферберг возьмется декорировать квартиру герра Шиндлера, не считаясь с расходами, и Шиндлер намекнул, что, когда все будет в порядке, Леопольд мог бы заглянуть к нему переговорить и о других делах.

– Не исключено, что вы сможете помочь мне советом относительно местного рынка, – сказал герр Шиндлер. – Вот, например, на вас очень элегантная синяя рубашка... Я просто не представляю, где достать нечто подобное.

Его наивность была не более чем уловкой, и Пфедферберг отдал ей должное.

– Магазины пусты, сами знаете... – с намеком проворковал Оскар.

Леопольд относился к тому сорту молодых людей, которые выжили лишь потому, что умели рисковать и играть по-крупному.

– Герр Шиндлер, это очень дорогие рубашки, и я надеюсь, что вы это понимаете. Они стоят по двадцать пять злотых каждая...

Он завысил стоимость раз в пять.

В глазах герра Шиндлера мелькнуло насмешливое понимание. Тем не менее он не хотел подвергать опасности их только зародившуюся взаимную симпатию или напоминать Пфедфербергу, что у того за поясом оружие.

– Может, я смогу раздобыть вам несколько, – сказал Леопольд, – если вы сообщите мне ваш размер. Но боюсь, мои поставщики потребуют деньги вперед...

Шиндлер взглянул на него все с тем же пониманием, вынул бумажник и протянул Пфедфербергу 200 рейхсмарок. Сумма была настолько велика, что Пфедферберг, не обижая себя, мог бы приобрести на нее рубашки для дюжины Шиндлеров. Но, придерживаясь правил игры, он не моргнул и глазом.

– Вы должны дать мне свои размеры, – напомнил он.

Через неделю Леопольд доставил дюжину шелковых рубашек в квартиру Шиндлера на Страшевского. В апартаментах его встретила симпатичная немка, которая представилась как *trauhandler*, инспектирующая производство в Кракове скобяных изделий. А в другой раз, вечером, Пфедферберг увидел Оскара в компании светловолосой и большеглазой польской красавицы. Если и существовала фрау Шиндлер, она не показалась даже после того, как фрау Пфедферберг закончила декорирование квартиры. Сам же Леопольд стал одним из наиболее постоянных поставщиков предметов роскоши для Шиндлера – шелковых изделий, мебели, драгоценностей – с черного рынка, который процветал в древнем городе Кракове.

Глава 4

В следующий раз Ицхак Штерн встретил Оскара Шиндлера утром в начале декабря. Заявление Шиндлера было уже подано в польский коммерческий суд Кракова, но Оскару было все недосуг посетить контору Бучхайстера. Наконец он явился и, пообщавшись с Ойе, остановился около стола Штерна в приемной, хлопнул в ладоши и, изображая подвыпившего человека, объявил:

– Завтра начинается! Улицам Иосифа и Исаака стоило бы подготовиться!

Улицы Иосифа и Исаака действительно существовали в Казимировке, являвшейся частью старого гетто Кракова – островком, переданным еще Казимиром Великим в пользование еврейской общины; теперь оно представляло собой заселенное предместье, притулившееся у притока Вислы.

Герр Шиндлер нагнулся к Штерну, и тот, уловив его согретое хорошим коньяком дыхание, задался вопросом: «В самом ли деле герр Шиндлер знает, что может ждать улицы Иосифа и Исаака? Или же он назвал их ради красного словца, случайно?»

Штерн ощутил тошнотворное чувство слабости и растерянности. Герр Шиндлер бросил весть о готовящемся погроме, и его тон, полный небрежного хвастовства, должен был бы унижить Штерна, но он ощущал – Шиндлер пытается их предупредить...

Это было 3 декабря.

Оскар сказал «завтра», но Штерн предположил, что он имел в виду не календарное 4 декабря, а употребил это выражение фигурально, как это свойственно пьяницам и пророкам – дескать, чую: вот-вот нечто должно произойти.

Только несколько человек из тех, кто слышал или уловил невнятный намек герра Шиндлера, восприняли его в буквальном смысле. Всю ночь они укладывали вещи и переправляли семьи через реку в Подгоже.

Оскар решил сообщить евреям эту неприятную новость на свой страх и риск. Она дошла до него как минимум из двух источников, от его новых приятелей. Один из них – Герман Тоффель – был полицейским в звании вахтмейстера (сержанта), прикомандированным к штабу. Другой, Дитер Ридер, служил в штабе СД у Чурды. Среди офицеров они, пожалуй, были самыми симпатичными личностями, на которых у Оскара всегда был особый нюх.

Вряд ли он толком смог бы объяснить, почему обратился к Штерну в то декабрьское утро. Уже потом он говорил, что во время немецкой оккупации Богемии и Моравии он был свидетелем повсеместного захвата собственности чехов и евреев в том районе Судет, который отходил немцам, что отвратило его от всякой симпатии к «новому порядку». И когда он выложил новости Штерну, это куда больше, чем недостоверная история с Нуссбаумами, дало ему понять, на какой путь он вступает.

Должно быть, он, как и многие евреи Кракова, тешил себя надеждами, что после первоначальной вспышки ярости режим утихомирится и даст людям дышать. Если в течение нескольких последующих месяцев рейды и налеты СС удастся хоть в какой-то мере смягчить вовремя поступающей информацией, может, к весне как-то все наладится?

Кроме того, и Оскар, и евреи старались внушить себе, что немцы все же – цивилизованная нация!

Но решение СС вторгнуться в пределы Казимировки вызвало у Оскара глубокое отвращение – не потому, что оно напрямую могло коснуться той сферы, где он зарабатывал деньги, ухаживал за женщинами, обедал с друзьями, а потому, что чем яснее становились намерения правящего режима, тем более омерзительным и непереносимым он становился для Оскара. Предполагалось, что планируемая операция в какой-то мере обеспечит ее участников мехами и драгоценностями, поскольку обитателей преуспевающих кварталов между Краковом и Казимиром

мировкой ждало выселение и изгнание. Но, кроме материальной выгоды, эта акция должна была послужить грозным предупреждением запуганному населению древнего еврейского квартала. С этой целью, как поведал Оскару Ридер, в Казимировку из Стардома перебросят небольшой отряд *einsatzgruppe*, который прибудет на тех же машинах, что и ребята из местных отделений СС и полевой жандармерии.

Вместе с армией вторжения в Польшу прибыли и шесть «айнзатцгрупп». Их название носило несколько неопределенный характер, наиболее близко его можно было перевести как «группы специального назначения». Но слово «*einsatz*» содержало в себе целое богатство оттенков – бросить вызов, кинуть перчатку, проявить рыцарское мужество. Группы набирались из членов гейдриховской *Sicherheitsdienst* (СД – секретной службы). Им сразу же давали понять, что полномочия у них исключительно широки. Их высший руководитель шесть недель тому назад сказал генералу Вильгельму Кейтелю, что «в польском генерал-губернаторстве развернется суровая борьба за выживание нации, которая не потерпит никаких ограничений со стороны закона». За высокой риторикой вождей, как понимали солдаты айнзатцгрупп, за словами о выживании нации скрывалось уничтожение одной расы другой, так же как слово «*einsatz*» — «особо благородная миссия» – на самом деле означало раскаленные стволы автоматов.

Взвод айнзатцгруппы, которому тем вечером предстояло действовать в Казимировке, представлял собой отборные кадры, элиту. Пусть эти краковские эсэсовцы, сидящие на сделанной оплате, занимаются столь гнусным делом, как обыск квартир в поисках колец и меховых пальто! На долю же элитных карателей выпадет участие в куда более важном и радикальном символическом действе, которое положит конец символу еврейской культуры – древней синагоге Кракова.

Как местные «*Sonderkommandos*» СС (отряды специального назначения), которым предстояло принять участие в первой акции, так и шеф тайной полиции СД Чурда уже несколько недель дожидались прибытия айнзатцгруппы. Армия договорилась с Гейдрихом и высшим руководством полиции, что она будет держаться в стороне от подобных операций, пока Польша не перейдет от военного к гражданскому правлению. Наконец было получено разрешение властей, и по всей стране рыцари айнзатцгрупп и зондеркоманд были спущены с цепи, чтобы с профессиональным бесстрашием положить конец истории расы, обитавшей в старых иудейских гетто.

В конце улицы, где располагались апартаменты Оскара, высилась на скале укрепленная громада Вавельского замка, из которого Ганс Франк правил своим генерал-губернаторством. И если Оскар хотел понять, какое будущее ожидает Польшу, ему необходимо было изучить связи между Франком и новоиспеченными исполнителями из СС и СД, а также между Франком и евреями Кракова.

Во-первых, Франк напрямую не руководил специальными группами, направлявшимися в Казимировку. Полицейские силы Генриха Гиммлера, где бы они ни действовали, всегда руководствовались своими законами. Не будучи в восторге от их независимости, Франк не соглашался с их методами и с чисто практической точки зрения. Как и любой член партии, он поддерживал политику уничтожения еврейского населения и считал Краков, несмотря на все его достоинства, невыносимым местом обитания – из-за населяющих его евреев. В течение нескольких прошедших недель он решительно возражал, когда власти хотели использовать генерал-губернаторство, и особенно Краков – с его железнодорожным узлом – как место свалки, куда будут свозить всех евреев от Лодзи до Познани. Он не верил, что айнзатцгруппы или зондеркоманды их методами могут разрешить суть проблемы. На определенном этапе мучительных размышлений «Гейни» разделял убеждение Франка, что должен быть создан

один-единственный огромный концентрационный лагерь для евреев, для какой-то цели могут послужить, например, Люблин с окрестностями или, что было бы еще желательнее, остров Мадагаскар.

Сами поляки всегда склонялись к этой идее – об использовании Мадагаскара. В 1937 году польское правительство даже послало экспедицию, чтобы изучить этот гористый остров, отдаленность которого должна была оберечь их европейскую чувствительность. Министерство по делам колоний Франции, которой принадлежал Мадагаскар, охотно заключило бы сделку на правительственном уровне, поскольку Мадагаскар, заселенный евреями из Европы, мог бы стать отличным рынком сбыта. Какое-то время министр обороны Южной Африки Освальд Пироу исполнял роль посредника в переговорах Гитлера и Франции относительно острова. Мадагаскар как способ решения проблемы мог бы сыграть свою почетную роль. Ганс Франк ставил на него, а не на айнзатцгруппы. Ибо их спорадические набеги и резня не могли заметно уменьшить количество недочеловеков в Восточной Европе.

В то время, когда шла кампания у стен Варшавы, айнзатцгруппы в Силезии сгоняли евреев в синагоги и подрывали их там, топили их целыми толпами в реках, врываются в дома в канун шаббата или по праздникам, рвали их молитвенные свитки, кидали талесы в огонь, ставили евреев к стенке. Но их усилия почти не сказывались. История неоднократно доказывала, утверждал Франк, что гонимым нациям часто как-то удавалось пережить геноцид и снова размножиться. Фаллос, оказывается, действует куда быстрее оружия...

Но никто из них еще не знал – ни спорящие между собой члены Партии, ни наиболее образованные из членов айнзатцгрупп, примостившиеся по бортам одного из грузовиков, ни такие же ребята из СС, сидящие в кузове другого (им этим вечером предстояло захватить синагогу), ни герр Оскар Шиндлер, направлявшийся к себе на Страшевского, где ему предстояло переодеться к званому обеду, – никто из них еще не знал, что скоро будет найдено технологически приемлемое решение – и химический состав для уничтожения насекомых, получивший название «Циклон Б», станет средством окончательного решения.

Вместо Мадагаскара.

Между Гитлером и Лени Рифеншталь, любимой актрисой и режиссером фюрера, произошел некий инцидент. Вскоре после падения Лодзи она прибыла туда со своим неизменным оператором и увидела шеренгу евреев – типичных иудеев с пейсами, которых расстреливали из автоматов. Она прямоком отправилась к фюреру в штаб-квартиру Южной группы войск и устроила ему сцену.

С любой точки зрения – логики, эффективности, общественного мнения – ребята из айнзатцгрупп вели себя глупо. Но теперь смешно было обсуждать Мадагаскар: был найден кардинальный способ свести на нет количество недочеловеков в Центральной Европе, для чего будут отведены специальные места с соответствующим оборудованием, о чем знаменитой киношнице лучше было не знать.

Как Оскар и предупредил Штерна в приемной у Бучхайстера, эсэсовцы, перемещаясь от дверей к дверям, сначала начали экономическое уничтожение детей Исаака, Иосифа и Якова. Они врываются в квартиры, вываливали содержимое шкафов, взламывая замки секретеров и гардеробов. Они срывали украшения с пальцев, с шей и из кармашков для часов. Девушке, которая не хотела отдавать свою меховую шубку, сломали руку; мальчишку с улицы Цемной, вцепившегося в свои лыжи, просто пристрелили.

Некоторые из ограбленных – не догадываясь, что СС действует по своим законам, – на следующий день обратились с жалобами в полицейский участок. Где-то, как они знали из уроков истории, должен обитать старший офицер, бескорыстный и благородный, который придет в ужас и решительно призовет к порядку распоясавшихся грабителей. Должно непременно быть

назначено расследование истории с мальчиком на Цемной и с одной из женщин, которой ударом дубинки сломали нос!

Пока ребята из СС работали по квартирам, взвод айнзатцгруппы собрался у синагоги четырнадцатого столетия на Старой Божнице. Как и предполагалось, они застали тут за молитвой компанию старых евреев с бородами, в пейсах и в молитвенных одеяниях. Согнав из окружающих зданий еще некоторое количество не столь ортодоксальных евреев, их тоже затолкали в синагогу, словно бы немцы желали посмотреть, какова будет реакция одной группы на другую.

Среди тех, кому пришлось переступить порог синагоги на Старой Божнице, был гангстер Макс Редлих, который никоим иным образом никогда не попал бы в древний храм и не был бы приглашен в него. Солдат айнзатцгруппы вскрыл ковчег и вытащил из него пергаментный свиток Торы.

Странное сообщество, собранное под сводами синагоги, должно было пройти мимо брошенного на пол свитка и плюнуть на него. Увильнуть было невозможно – плевок был четко виден на пергаменте.

Среди согнанных в синагогу, никогда раньше не стоявших бок о бок людей, ортодоксальные евреи были куда более рациональны, чем все прочие – агностики, либералы – те, кто считал себя европейцем. Людям из айнзатцгруппы казалось, что современный еврей пойдет на их требования и даже решится посмотреть им в глаза, как бы говоря: «Да бросьте, мы слишком умны, чтобы обращать внимание на эти глупости». Но так поступят не все. Во время подготовки эсэсовцам говорили, что либеральный фасад всего лишь тонкая оболочка на еврейской сущности. И когда согнанные в синагогу обладатели коротких причесок и современных одеяний вернутся к вере отцов, отказавшись совершить святотатство, это и будет доказано.

Но все они оплевали свиток – кроме Макса Редлиха.

Человек, внешний вид которого позволял предполагать, что он без колебаний плюнет на свиток, ибо для него он, с интеллектуальной точки зрения, представлял собой бессмысленный пережиток древних верований, – в этом человеке вскипела кровь и сказала ему, что перед ним лежит священная реликвия его народа.

Когда же наконец евреи откажутся от таких смешных предрассудков, как голос крови? Неужели они не могут мыслить столь же четко, как Кант?

Вот в чем был смысл испытания.

Редлих не выдержал его. Он произнес маленькую речь:

– На моей совести много грехов. Но этого я сделать не могу.

Его пристрелили первым, после чего расстреляли всех остальных и предали это место огню, оставив от одной из старейших в Польше синагог лишь обгорелый скелет.

Глава 5

Виктория Клоновска, польская секретарша, была украшением приемной Оскара, и он немедленно закрутил с ней продолжительный роман. Ингрид, его немецкая любовница, знала о существовании Виктории, как Эмили Шиндлер знала о существовании Ингрид. Ведь Оскар никогда не занимался любовью исподтишка, втихомолку. Он был по-детски откровенен в интимных отношениях. Не то чтобы он хвастался – просто никогда не испытывал необходимости врать, прокрадываться в гостиницу по задней лестнице и в темноте тихонько стучать в дверь девушки. С тех пор как Оскар перестал по-крупному врать своим женщинам, выбор его сузился; ему было трудновато пускаться в ход традиционные приемы обольщения.

Виктория Клоновска, с высокой светлой прической над хорошеньким живым лисьим личиком, производила впечатление одной из тех легкомысленных девушек, которые воспринимают царящую вокруг них историческую неопределенность лишь как временное затруднение, после устранения которого они наконец займутся таким серьезным делом, как организация личной жизни. Хотя эта осень требовала скромной одежды, Клоновска с нескрываемым кокетством носила свои жакетики, плиссированные блузки и облегчающие юбки. При этом она обладала ясной головой, была преданной и толковой сотрудницей. И конечно, националисткой – в категоричном польском стиле. Впрочем, когда пришло время, это не помешало ей провести переговоры с немецкими сановниками, дабы ее судетского любовника выпустили из учреждения СС...

Но в данный момент Оскар предложил ей не столь рискованную работу.

Он намекнул, что хочет найти хороший бар или кабаре в Кракове, где мог бы встречаться с друзьями. Не завязывать контакты, не угощать начальство из инспектората. А встречаться с настоящими друзьями. Какое-нибудь веселое местечко, куда не заглядывают официальные лица средних лет.

Знает ли Клоновска такое местечко?

Ей удалось найти великолепный джазовый погребок на узкой улочке к северу от Рынка, городской площади. Испокон веков оно было популярно у молодых преподавателей и студентов университета, но сама Виктория там не бывала. Солидные господа, которые порой намекали, что были бы не прочь провести с ней свободное время, не стремились окунуться в студенческий гомон. При желании там же можно было арендовать отдельную нишу под занавесом, где компании прекрасно проводили время, развлекаясь под звуки дикарской музыки. Оценив находчивость Клоновской, разыскавшей это заведение, Оскар окрестил ее «Колумбом». С партийной точки зрения джаз не только был вырождающимся декадентским искусством, но и выражал африканское животное начало недочеловеков. Излюбленным ритмом СС и официальных лиц партии был «ум-па-па» венских вальсов, и они старательно избегали джаз-клубов.

Под Рождество 1939 года Оскар устроил вечеринку в клубе для некоторых своих приятелей. Обладая инстинктивным умением устанавливать любые контакты, он не испытывал никаких затруднений, когда приходилось пить и с теми, кто не вызывал у него симпатий. Но в этот вечер вокруг собрались люди, к которым он испытывал дружеские чувства. Если честно, они, конечно, тоже были полезны ему, хотя еще и слишком молоды и недостаточно влиятельны как члены различных оккупационных учреждений. Все они в той или иной мере чувствовали себя в Польше вдвойне изгоями – и не только потому, что находились вдалеке от дома. И в родных пределах, и за границей все они, в той или иной мере, чувствовали неприязнь к режиму.

Здесь был, например, молодой немецкий землемер из управления внутренних дел генерал-губернаторства. Он определял границы эмалировочной фабрики Оскара в Заблоче. На задах ДЭФ находилось свободное пространство, отданное под два других производства – фаб-

рику упаковочных материалов и завод радиаторов. Оскар с удовольствием обнаружил, что, по данным топографа, большинство этой площади теперь принадлежит его фабрике. В голове у него тут же стали возникать картины экономической экспансии. Землемер, конечно, был приглашен и потому, что был порядочным парнем, с ним можно было общаться, да и, что уж там скрывать, он мог еще пригодиться – для получения в будущем разрешений на строительство.

Здесь же находился и полицейский Герман Тоффель, и работник СД Ридер, и молодой офицер – тоже топограф – по фамилии Штейнхаузер из Инспекции по делам вооруженных сил. Оскар встретил этого человека и завязал с ним дружбу, когда получал разрешения на начало своей деятельности.

Он с удовольствием выпивал в этой компании. Он всегда был убежден, что лучший способ разделаться с гордиевым узлом бюрократии, не прибегая ко взяткам, – это хорошенько надраться в дружеском кругу.

И наконец, тут были два человека из абвера. Первый – Эберхард Гебауэр, тот лейтенант, который год назад завербовал Оскара в ряды абвера. Второй – лейтенант Мартин Плате из штаб-квартиры Канариса в Бреслау. Именно стараниями доброго приятеля Гебауэра герр Оскар Шиндлер впервые понял, какие возможности предоставляет город, подобный Кракову.

Присутствие Гебауэра и Плате привносило и дополнительную окраску. Оскар по-прежнему числился как агент в списках абвера и за годы, проведенные в Кракове, не раз доставлял удовольствие штабу Канариса в Бреслау, присылая исчерпывающие отчеты о поведении их соперников из СС. Кроме удовольствия провести время в теплой компании с хорошей выпивкой, Гебауэр и Плате ценили его вклад в дело разведки, который позволил им узнать о слегка оппозиционных взглядах таких жандармов, как Тоффель и Ридер из СД.

Не представляется возможным доподлинно восстановить, о чем в тот вечер говорили члены этой компании, но из позднейших рассказов Оскара можно достаточно ярко представить личность каждого из ее участников.

Без сомнения, именно Гебауэр провозгласил тот самый тост. Он сказал, что не заставляет их пить ни за правительство, ни за армию или ее вождей; вместо этого он предлагает всем выпить за благоденствие эмалировочной фабрики их доброго друга Оскара Шиндлера! Если фабрика будет процветать, у них не будет недостатка в подобных встречах – вечеринках в неповторимом стиле Шиндлера, лучше которых невозможно себе представить.

Но после того как тосту было отдано должное, все разговоры, естественно, вернулись к теме, которая в то время смущала или тревожила все слои гражданского управления.

К евреям.

Тоффель и Ридер провели весь день на станции Могильской, наблюдая за разгрузкой поездов с восточного направления, доставлявших поляков и евреев. Их привозили с присоединенных территорий, из недавно завоеванного региона, который в прошлом принадлежал немцам. Тоффель даже не пытался лгать, что для пассажиров в теплушках были созданы какие-то удобства, хотя признал, что погода была довольно холодной. Но вереницы вагонов с живым грузом пока еще были в новинку, и теплушки не забивались под завязку, что говорило бы о полной бесчеловечности.

Тоффеля смущала политика, кроющаяся за всем этим.

Постоянно ходят слухи, сказал Тоффель, что мы на пороге войны. И, черт побери, территории надо очистить от части поляков и полумиллиона евреев!

– Вся система Восточной железной дороги, – сказал Тоффель, – работает на доставку их к нам.

Абверовцы слушали его, не скрывая легких усмешек. Для СС внешним врагом были евреи, а для ведомства Канариса – само СС.

СС, сказал Тоффель, с 15 ноября зарезервировало для себя всю внутреннюю сеть железных дорог. На его стол в кабинете на Поморской то и дело ложатся копии гневных меморандумов СС, адресованных армейскому руководству, – с жалобами, что армия срывает их планы, на две недели нарушая расписание восточной сети железных дорог. Ответьте, ради бога, вопрошал Тоффель, разве не армия должна первым делом использовать железные дороги – и в той мере, в какой ей это нужно? Как иначе объединить запад и восток, удивлялся изрядно напившийся Тоффель, неужели при помощи мотоциклов?!

Оскар позволил себе сдержанно улыбнуться, обратив внимание, что абверовцы воздерживаются от комментариев. Они подозревали, что Тоффель не столько пьян, сколько пытается их спровоцировать.

Землемер и человек из Инспекции по делам армии задали Тоффелю несколько вопросов относительно странных поездов, приходящих на Могильскую. Скоро на эти грузы даже не будут обращать внимания: транспорты с людьми станут привычным делом для политики переселения. Но в тот вечер, когда Оскар устраивал рождественскую пирушку, они еще были в новинку.

– Их называют *concentration*, – объяснил Тоффель. – Это слово встречается в документах. Концентрационный. И, я сказал бы, встречается чертовски часто...

Владелец джаз-клуба принес блюда с сельдью под соусом. Под крепкую выпивку рыба пошла как нельзя лучше, и, когда гости набросились на нее, Гебауэр завел речь о «юденрате» – органе еврейского самоуправления, которые по приказу губернатора Франка были организованы в каждой общине. В городах юденрат включал в себя двадцать пять избранных членов, полностью отвечающих за выполнение всех приказов властей. В Кракове юденрат существовал меньше месяца; председателем его был назначен Марек Биберштейн, уважаемый член бывшего муниципалитета. Гебауэр заметил: ему довелось слышать, что в Вавельском замке уже составлен план использования еврейской рабочей силы. Юденрату остается только уточнить: будут ли евреи в такой-то день чистить канавы и уборные или убирать снег.

– Не кажется ли вам, что этот план может вызвать с их стороны непредсказуемую реакцию? – спросил Гебауэр.

– Ни в коем случае, – ответил инженер Штейнхаузер из Инспекции по делам армии. – Считается, что, если они будут поставлять рабочую силу и ходить, так сказать, строем, это положит конец случайным нападениям, которые кончаются избиениями, а то, бывает, и пулей в голову.

Мартин Плате согласился. Конечно, евреи станут сотрудничать – в надежде избежать худшей судьбы. Таков их метод выживания – и его нужно принять во внимание. Они всегда подкупают гражданские власти, идя с ними на сотрудничество, а потом начинают торговаться...

Подхватив тему, Гебауэр постарался ввести в заблуждение Тоффеля и Ридера, сделав вид, что он с предельной страстью заинтересовался этой проблемой, чего на самом деле не было.

– Я вам скажу, что я имею в виду под сотрудничеством, – объявил он. – Франк издал указ, требующий, чтобы каждый еврей в генерал-губернаторстве носил звезду. Этому указу всего несколько недель от роду. И в Варшаве уже объявились еврейские производители, которые стали их делать из моющейся пластмассы – по три злотых каждая. Словно бы они не представляют, что это за закон. Словно бы эта штука – эмблема велосипедного клуба.

В этих словах не только звучало возмущение стремлением евреев сделать деньги даже на позорных знаках, но и явно таился намек, что, коль скоро Шиндлер занимается эмалировкой, ему вполне под силу на своем предприятии штамповать роскошные эмалевые значки и в розницу продавать их через сеть магазинов скобяных изделий, которые контролировала его подруга Ингрид. Кто-то заметил, что звезда – это национальная еврейская эмблема, символ

государства, которое было разрушено римлянами и которое существует ныне лишь в умах сионистов. Так что, возможно, люди будут с гордостью носить знак звезды.

– Дело в том, – сказал Гебауэр, – что у них нет никакой организации, чтобы защитить самих себя. Они начинают думать о ней разве что в предвесье шторма. Но тут уж совсем другое. Этот шторм будет делом рук СС, – продолжил Гебауэр, снова давая понять, что хоть он и не в восторге от такой перспективы, но отдает должное профессиональной дотошности СС.

– Да бросьте, – возразил Плате, – самое худшее, что может случиться с ними, – это высылка на Мадагаскар, где, кстати, погода куда лучше, чем в Кракове.

– Сомневаюсь, что им когда-либо доведется увидеть Мадагаскар, – сказал Гебауэр.

Оскар предложил сменить тему разговора.

Разве это не его вечеринка?!

Совсем недавно Оскар стал свидетелем того, как в баре отеля «Краковия» Гебауэр передавал из рук в руки некоему еврейскому бизнесмену фальшивые документы на отъезд в Венгрию. Может, Гебауэр делал это за вознаграждение, хотя он был слишком осторожен, чтобы иметь дело с бумагами, а тем более оставлять на них свою подпись или ставить печать. Но что бы он ни говорил в присутствии Тоффеля, было ясно, что он не принадлежал к числу ненавистников евреев.

Как и любой из присутствующих.

В то Рождество 1939 года Оскар понял, что они просто позволили себе отдохнуть от пафосной официальной линии поведения.

Однако позже и эти люди оказались весьма полезны.

Глава 6

Акция, имевшая место в ночь на 4 декабря, убедила Штерна в том, что Оскар Шиндлер действительно порядочный гой. Существовала талмудистская легенда о Праведниках Мира: в ней говорилось, что в любой период человечества их существует всего тридцать шесть человек. Штерн не считал, что эта мистическая цифра носит буквальный характер, но легенда имела для него психологические обоснования, и он считал, что это будет весьма мудро и достойно – постараться найти под прикрытием Шиндлера убежище, где можно будет жить и дышать.

Немец нуждался в капитале – с завода «Рекорд» практически полностью было вывезено оборудование, если не считать небольшого набора прессов для металла, ванн для эмалирования и печей для обжига. Поскольку Штерн обладал определенным влиянием на Шиндлера, он свел его с человеком, который на приемлемых условиях мог обеспечить заем – с Абрахамом Банкером, управляющим конторой «Рекорда», доставшейся Оскару.

Они вдвоем – высокий крупный Оскар, так и лучащийся довольством жизнью, и маленький коренастый Банкер – нанесли визит потенциальным инвесторам. По распоряжению от 23 ноября все банковские вклады и содержимое сейфов, принадлежавших евреям, переходили в полное и безраздельное владение немецкой администрации, а бывшие владельцы лишались всяческих доходов от вкладов. Кое-кто из преуспевающих еврейских бизнесменов – тех, кто хоть немного разбирался в истории, – втайне обратили часть средств в твердую валюту. Но они предвидели, что через несколько лет под правлением генерал-губернатора Франка и валютой владеть станет рискованно; куда предпочтительнее перевести состояние в компактный и транспортабельный вид – в драгоценные камни, золото и тому подобные ценности.

В пределах Кракова и вокруг него было немало знакомых Банкера, которые, как он знал, были бы готовы вложить капитал в обмен на гарантированное количество продукции. Условия сделки включали в себя инвестиции – 50 тысяч злотых в обмен на определенное весовое количество посуды в месяц, поставки которой должны были начаться в июле 1940 года и продолжаться в течение года. Для краковских евреев, живших под надзором Ганса Франка из Вавельского замка, кухонная посуда была надежнее злотых.

Стороны, участвующие в заключении этого контракта, – Оскар, инвестор и Банкер как посредник – решили не оставлять никаких следов сделки, даже доверенности. Детальный договор не имел смысла и в любом случае не мог никого ни к чему принудить. Все зависело только от рекомендации Банкера, ручающегося за этого производителя эмалированной посуды из Судет.

Эти встречи, скорее всего, состоялись в квартире инвестора в центре Кракова, в старом городе. Польские пейзажисты, которых обожала жена инвестора, и французские романы, которые с увлечением читали его хрупкие обаятельные дочери, могли бы создать приятную атмосферу вокруг этой сделки.

Ведь почтенный господин Шиндлер к этому времени был выкинут из своей квартиры и нашел себе пристанище в самом бедном районе, в Подгоже. Он все никак не мог оправиться от потрясения: он потерял квартиру и оказался в роли наемного служащего на своем же собственном предприятии – и все это произошло за несколько месяцев. А год еще не кончился!

Хотелось бы приукрасить героическое поведение Оскара в этой истории, уверяя всех, что он никогда бы не дал повода для обвинений в нарушении устного соглашения. Однако уже в новом году он крепко сцепился с неким еврейским розничным торговцем по поводу количества продукции, которую этот человек хотел получить на складе ДЭФ, что на Липовой. И на этом

основании данный господин осуждал Оскара до конца жизни. Но что Шиндлер вообще не выполнял условий сделки – нет, этого сказать нельзя.

Оскар по натуре не мог не платить долги, создавалось впечатление, что он обладает неисчерпаемым источником средств, которым никогда не придет конец. И он, и другие немцы, которым выпала такая возможность, так нагрели руки за последовавшие четыре года, что только человек, до мозга костей снедаемый жадой наживы, отказался бы платить то, что отец Оскара предпочитал называть долгом чести.

Эмили Шиндлер приехала в Краков, чтобы в первый раз навестить своего мужа, лишь в новом году. Она нашла город самым приятным из всех мест, где ей приходилось бывать, – куда более изящным, привлекательным и по-хорошему старомодным, чем Брно с его облаками промышленного смога.

Произвела впечатление на нее и новая квартира мужа. Окна фасада выходили на Планты – кольцо ухоженных бульваров и парков, огибавших почти весь город по следам некогда существовавшей и снесенной крепостной стены. В конце улицы возвышалась древняя твердыня Вавельского замка, а посреди всей этой архаики располагалась современная квартира Оскара. Она оценила драпировки и обтянутые материей стены, о чем позаботилась госпожа Пфедферберг.

Успехи Оскара Шиндлера нашли материальное воплощение.

– Ты очень хорошо устроился в Польше, – сказала она.

Оскар понимал, что она на самом деле имеет в виду то самое приданое, которое ее отец отказался выплачивать двенадцать лет назад, когда люди, приезжающие из Цвиттау, обрушили на деревушку Альт-Молштейн известия, что его зять позволяет себе жить и крутить романы подобно неженатому мужчине. Брак его дочери обрел тот самый характер, которого он смертельно боялся, и – провалиться ему на месте, если он выложит ему еще хоть грош!

Отсутствие ожидавшихся четырехсот тысяч рейхсмарок сказалось на процветании Оскара, и отказ достопочтенного фермера из Альт-Молштейна выплатить их уязвил его дочь так, что даже спустя двенадцать лет она чувствовала себя виноватой; и хотя теперь для Оскара это было несущественно, Эмили продолжала помнить.

– Моя дорогая, – как правило, отмахивался от разговоров на эту тему Оскар, – да мне никогда и не были нужны эти чертовы деньги.

Отношения Эмили с Оскаром носили непостоянный характер. Она была из тех женщин, которые, зная, что ее муж неверен и никогда не будет хранить ей верность, все же не хотят, чтобы им под нос совали доказательства его прегрешений. Как бы она ни была утомлена, Эмили следовала за мужем по Кракову и посещала приемы, на которых бывали приятели Оскара, которые, конечно же, знали правду – знали имена других женщин, о которых она не хотела и слышать.

Как-то днем молодой поляк – это был Польдек Пфедферберг, который как-то чуть не пристрелил ее мужа, хотя она об этом не знала, – появился в дверях их апартаментов, держа на плече свернутый в рулон ковер. Он раздобыл его на черном рынке, куда ковер прибыл из Стамбула через Венгрию, и Пфедферберг не поленился найти его для Ингрид, которая выехала из квартиры на время пребывания Эмили.

– Фрау Шиндлер дома? – спросил Пфедферберг.

Он всегда обращался к Ингрид как к фрау Шиндлер, потому что считал, что тем самым доставляет ей удовольствие.

– Фрау Шиндлер – это я, – ответила Эмили, понимая, что кроется за этим вопросом.

У Пфедферберга хватило ума, чтобы выкрутиться: в сущности, у него, мол, нет никакого дела к фрау Шиндлер, хотя он так много слышал о ней от герра Шиндлера. Он должен встретиться с герром Шиндлером в связи с кое-какими делами...

– Герра Шиндлера нет дома, – сказала Эмили.

Она предложила Пфедфербергу выпить рюмку, но он торопливо отказался. Эмили понимала, что означает его отказ. Молодой человек был слегка шокирован, столкнувшись с подробностями личной жизни Оскара, и решил, что неблагородно сидеть и выпивать с жертвой.

Предприятие, которое Оскар взял в аренду, располагалось за рекой, в Заблоче, на Липовой, 4. Контора, выходящая на улицу, выглядела достаточно современно, и порой Оскару приходило в голову, что было бы очень неплохо для удобства иногда перебираться сюда на время, оборудовав квартиру на третьем этаже, хотя местный ландшафт имел промышленный вид и был далеко не столь очаровательным, как на Страшевского.

Когда он взялся за оснащение «Рекорда», переименованного в Немецкую фабрику эмалированной посуды, на предприятии трудились всего сорок пять человек, выпускавших незначительное количество кухонной утвари. В первых числах нового года ему удалось заключить первый контракт с армией. Удивляться этому не было оснований: он поддерживал приятельские отношения со многими влиятельными техническими работниками, которые сидели в Инспекторате генерала Шиндлера. Он встречался с ними на приемах и приглашал их на обеды в отеле «Краковиа». Сохранились фотографии Оскара, восседающего рядом с ними за богато украшенными столами; на лицах – вежливые улыбки, обращенные в фотокамеру; все со вкусом едят и от души пьют, а на офицерах – элегантные, с иголки, мундиры. Некоторые из них ставили нужные печати на его бумаги и самым лучшим образом рекомендовали его генералу Шиндлеру – и просто по дружбе, и потому, что считали: Оскар, как владелец предприятия, может им пригодиться. Оскар славился своими подарками, которыми одаривал официальных лиц: коньяком, коврами, драгоценностями, мебелью и корзинами с изысканными лакомствами. Кроме того, было известно, что генерал Шиндлер ознакомился с образцами его эмалированной посуды и высоко оценил изделия своего однофамильца.

Получив доступ к выгодным контрактам, Оскар позволил себе расширить производство. Места для этого хватало. За конторой ДЭФ раскинулись два огромных производственных цеха. Один из них располагался слева от входа, на территории, отведенной под склад готовой продукции. Другой же оставался совершенно пустым.

Он приобрел новые станки: часть на месте, часть была доставлена с его родины. Кроме военных заказов, к его услугам был необъятный черный рынок, который мог поглотить любое количество продукции. Оскар понял, что перед ним открывается возможность стать подлинным магнатом. К середине лета у него уже работало двести пятьдесят поляков, и возникла необходимость подумать о введении ночной смены. В лучшие времена на заводе сельскохозяйственного оборудования его отца, герра Ганса Шиндлера, работало не больше пятидесяти человек.

Время от времени в течение этого года Штерн позванивал Шиндлеру, чтобы устроить на работу кого-нибудь из молодых евреев: то сироту из Лодзи, то дочь чиновника одного из отделов юденрата, еврейского совета. Через несколько месяцев у Оскара уже трудились сто пятьдесят еврейских специалистов, и его фабрика понемногу стала обретать репутацию надежной гавани.

В этом году евреев стали рассматривать как рабочую силу, использование которой может сказаться на военных усилиях. В апреле генерал-губернатор Франк издал указ об эвакуации евреев из его столицы, Кракова. Решение было достаточно странным, поскольку власти рейха продолжали перебрасывать евреев обратно в пределы генерал-губернаторства в количестве

примерно десяти тысяч человек в день. Но условия проживания немцев в Кракове, сообщил Франк своему кабинету, просто скандальные. Так, некий немецкий командир дивизии, как ему стало известно, был вынужден делить дом с еврейскими арендаторами! Случалось, что и высшему руководству приходилось сталкиваться с такими же нетерпимыми фактами. Он пообещал, что в течение ближайших шести месяцев Краков будет *judenfrei* (свободен от евреев). В нем останется лишь ограниченное количество – пять-шесть тысяч квалифицированных специалистов еврейской национальности. Всем остальным придется перебраться в другие города генерал-губернаторства – такие как Варшава или Радом, Люблин или Ченстохов. До 15 апреля евреям предоставляется право добровольной эмиграции в другие города по своему выбору. Те, которые после этой даты останутся в Кракове, будут вывезены с небольшим количеством багажа в места, определенные администрацией. И с 1 ноября, добавил Ганс Франк, немцы в Кракове смогут дышать «чистым немецким воздухом» и свободно ходить по городу, улицы и парки которого больше не будут «забиты евреями».

Однако Франку не удалось до конца года довести численность евреев в городе до желаемого уровня. Когда его план приобрел широкую известность, среди евреев Кракова начались волнения, особенно среди молодых, старавшихся обрести дефицитную специальность. Такие люди, как Ицхак Штерн, официальные и неофициальные сотрудники юденрата, принялись составлять списки сочувствующих им немцев, к которым они могли бы обратиться за помощью. В списке были и Шиндлер, и Юлиус Мадритч, житель Вены, которому лишь недавно удалось освободиться от обязанности служить в вермахте – он получил пост управляющего на заводе военной формы. Убедившись в преимуществе контрактов с Инспекцией по делам армии, Мадритч собирался открыть собственную пошивочную фабрику в пригороде Подгоже. В будущем он станет получать доход больший, чем у Шиндлера, но в том знаменательном 1940 году он жил только на жалованье. И пользовался репутацией гуманного человека – и только.

К первому ноября 1940 года Франк вынудил 23 тысячи евреев покинуть Краков. Некоторые из них перебрались в новые гетто в Варшаве и Лодзи. Можно представить себе, какое столпотворение царило на железнодорожных станциях и в отделах регистрации, но люди воспринимали все безропотно, думая: «Мы все выдержим, мы вынесем все, что они от нас требуют».

Оскар знал, что происходит, но, как и сами евреи, считал, что это всего лишь временные затруднения.

Пожалуй, этот год можно считать самым производительным в жизни Шиндлера – он со всей серьезностью отнесся к преобразованию практически обанкротившегося предприятия в солидную компанию, с которой предпочитали иметь дело правительственные учреждения.

Когда выпал первый снег, Оскар с раздражением отметил, что ежедневно на рабочем месте отсутствуют не менее шестидесяти его еврейских работников. Дело было в том, что по пути на работу их перехватывали эсэсовские патрули и заставляли чистить снег. Герр Шиндлер посетил с жалобой своего приятеля Тоффеля в штаб-квартире СС на Поморской. В один из дней, сообщил он Тоффелю, у него не вышло на работу сто двадцать пять человек!

Тоффель доверительно поведал товарищу:

– Ты должен понимать, что кое-кому из этих типов в СС плевать на производство. Они утверждают свое национальное превосходство, заставляя евреев чистить снег! Я сам этого толком не понимаю... Для них имеет какую-то ритуальную важность то, что евреи чистят снег. Рабочих перехватывают отовсюду, не только у тебя.

Оскар спросил, приносят ли жалобы и другие. Да, ответил Тоффель. А большой хозяйственный чин из отдела бюджета и планирования СС, однажды оказавшийся в обеденный час у

них на Поморской, сказал: по его непоколебимому мнению, то, что в экономике рейха задействованы квалифицированные еврейские рабочие, является изменническим актом.

– И я думаю, тебе придется смириться, Оскар, – уборка снега будет продолжаться.

В мгновение ока Оскар изобразил возмущенного патриота или, скорее, разъяренного производственника.

– Если они хотят выиграть войну, – воскликнул он, – им придется избавиться от подобных «хозяйственников СС»!

– Избавиться от них? – переспросил Тоффель. – Ради бога, да такие же подонки сидят на самом верху.

В результате этого разговора Оскар принялся везде и всюду решительно защищать точку зрения, согласно которой распоряжаться своими рабочими имеет право только хозяин предприятия, а рабочие должны беспрепятственно добираться до места работы. И что никто не имеет права перехватывать их или издеваться над ними – как по пути на завод, так и обратно!

В глазах Оскара эти требования носили характер как моральной аксиомы, так и производственной.

Во всяком случае, на его фабрике.

Глава 7

Кое-кто из обитателей больших городов – Варшавы и Лодзи с их гетто, Кракова, который, стараниями Франка, должен был стать *judenfrei*, – уезжали в сельскую местность, чтобы затеряться среди крестьян.

Братья Рознеры, музыканты из Кракова, которым скоро доведется близко познакомиться с Оскаром, устроились в старой деревушке Тынец. Она лежала в красивой излучине Вислы, известняковый утес над ней давал приют бенедиктинскому аббатству. Хотя для Рознеров главным доводом в пользу именно этой деревушки была ее затерянность. Сюда же прибилося несколько еврейских лавочников и ремесленников из ортодоксов, с которыми у музыкантов из ночного клуба было мало общего. Но крестьяне, занятые страдой, были только рады, как Рознеры и надеялись, что у них появились музыканты.

Братья добрались сюда не прямо из Кракова, не из огромного пункта отправки, расположенного у ботанического сада на Могильской, где молодые эсэсовцы запикивали людей по грузовикам, осыпая их ругательствами и выдавая лживые обещания, что багаж с надписанными ярлычками будет доставлен им позже. Вышло так, что Рознеры прибыли в Тынец из Варшавы, где у них был ангажемент. Им удалось выбраться за день до того, как немцы окончательно перекрыли варшавское гетто – и Генри, и Леопольду, и жене Генри Манси с их пятилетним сыном Олеком.

Братьям понравилась идея перебраться в такую деревушку Южной Польши, как Тынец, недалеко от их родного Кракова. Если строгий режим немного ослабевает, они смогут на автобусе наехать в Краков, искать работу. Манси Рознер, молодая женщина родом из Австрии, прихватила с собой швейную машину, и Рознеры открыли в Тынце небольшую портняжную мастерскую. По вечерам они играли в таверне, что стало сенсацией для такого местечка. В деревушке принимали их как нельзя лучше, хотя порой и дивились их еврейству. Но скрипка всегда была самым почитаемым из всех инструментов в Польше...

Как-то вечером случайно заехавший сюда фольксдойче (так назывались этнические немцы, которые жили в диаспоре за пределами Германии. Принадлежность к фольксдойче устанавливалась по отдельным признакам – по происхождению родителей, для которых немецкий язык был родным, по церковным записям и т. п.) услышал исполнение братьев. Фольксдойче, один из тех, якобы ради которых Гитлер и захватил страну, был работником муниципалитета Кракова. Он сообщил Генри, что хозяин Кракова – оберштурмбаннфюрер Павлу, и его заместитель – знаменитый в свое время лыжник Зепп Роре, собираются побывать в сельской местности во время уборки урожая. И он хочет, чтобы Павлу и Роре получили возможность послушать таких виртуозов, как братья Рознеры.

Как-то днем, когда скошенные снопы спокойно подсыхали на жнитве, где в воскресенье было тихо и безлюдно, вереница лимузинов проехала через Тынец, направляясь к вилле сбежавшего польского аристократа. На террасе их уже ждали наготове братья Рознеры, и, когда дамы и господа расположились в помещении, где когда-то проходили танцевальные вечера, концерт начался. Генри и Леопольд испытывали и возбуждение, и страх от той серьезности, с которой компания оберштурмбаннфюрера приготовилась слушать их. Женщины были в белых платьях и перчатках, военные – при всем параде, а штатские украшены манишками с отогнутыми уголками воротничков...

Когда слушатели так настроены, проще простого разочаровать их! Для евреев же даже такой проступок, как не оправдать ожиданий начальства в области культуры, мог стать серьезным преступлением.

Но они более чем удовлетворили аудиторию. Компания пришла в благодушное состояние, ибо услышала своего излюбленного Штрауса, сочинения Оффенбаха и Легара, Андре Мессаджера и Лео Фалла. Во время перерывов царило сентиментальное настроение.

Пока Генри и Леопольд играли, дамы и господа пили шампанское из привезенных с собой красивых бутылок.

Когда официальный концерт подошел к концу, братьев доставили вниз, к подножию холма, на котором стояла вилла, в общество собравшихся крестьян и солдат сопровождения.

Если грубые расистские оскорбления и могли иметь место, то только здесь.

Но опять-таки, едва только братья поднялись на машину с откинутыми бортами и увидели глаза толпы, Генри понял, что они в безопасности. Симпатия крестьян, сильно отдававшая национальной гордостью – в этот вечер Рознеры представляли высокую польскую культуру, – защищала их. Все напоминало добрые старые времена, и Генри поймал себя на том, что, глядя вниз, улыбается Олеку и Манси, для которой он и играл, не обращая ни на кого внимания. И в эти секунды им казалось, что земля наконец обрела покой, умиротворенная звуками музыки...

Когда все закончилось, ротенфюрер средних лет – Генри не очень хорошо разбирался в званиях СС – подошел к ним, стоявшим на грузовике и принимавшим поздравления. Кивнув им, он откровенно ухмыльнулся.

– Надеюсь, после уборки урожая вы отдохнете, как следует, – сказал он и отошел.

Братья уставились друг на друга. Когда эсэсовец уже не мог их услышать, они не удержались от искушения обсудить его слова.

– Это угроза, – убежденно сказал Леопольд. Их до мозга костей пронизало то ощущение страха, которое впервые охватило их, когда фольксдойче обратился к ним: им не удастся пережить эти времена!

Такова была жизнь на селе в 1940 году.

Как музыканты братья были востребованы все меньше, они проводили время в томительной тоске и попытках что-то продать из имущества; иногда до них доходили пугающие слухи из того сложного и яркого конгломерата, которое именовалось Краковом. Куда, как Рознеры понимали, они рано или поздно вернуться...

Осенью Эмили уехала к себе домой, и, когда Штерн в очередной раз пришел к Шиндлеру, кофе подавала уже Ингрид. Оскар не делал секрета из своих слабостей, и ему не приходило в голову, что аскет Ицхак Штерн нуждается в каких-то объяснениях присутствия Ингрид. По той же причине, когда с кофе было покончено, Оскар, подойдя к буфету, извлек из него непечатую бутылку коньяка и поставил ее на стол между собой и Штерном, словно последний и впрямь мог помочь ему справиться с ней.

Этим вечером Штерн пришел рассказать Оскару о семье, которую мы предпочтем называть Ц.²: пожилой Давид и молодой Леон Ц. распространяли слухи, позволяя себе болтать даже на улицах Казимировки, что Оскар – сущий немецкий гангстер, бандит и грабитель. Однако, когда Штерн излагал эти сплетни перед Оскаром, он предпочел прибегнуть к более мягким выражениям.

Оскар понимал, что Штерн не ждет от него ответа, что он просто передал ему информацию. Но, конечно же, он должен как-то на нее отреагировать.

– То же самое я могу рассказать и о них, – бросил Шиндлер. – Они пытались нахально обчистить меня. Если хотите, можете спросить у Ингрид.

² Причина, по которой в данном случае использован инициал вместо пусть и выдуманного имени, заключается в том, что в Кракове был в ходу целый ряд польских еврейских фамилий, и неосторожное использование какой-то одной из них может оскорбить память тех, кто был уничтожен, или же некоторых оставшихся в живых друзей Оскара. – *Прим. авт.*

Ингрид контролировала деятельность Ц. Она была неплохим *treuhander*, но, поскольку ей было всего двадцать с небольшим, не обладала коммерческим опытом. Ходили слухи, что Шиндлер сам устроил девушку на это место, чтобы беспрепятственно продавать в розницу свои изделия. Тем не менее до сих пор семейство Ц. невозбранно распоряжалось в пределах своей компании. И если им не нравилась ситуация, при которой они обязаны были находиться под постоянным контролем оккупационных властей, никто не мог осуждать их за это.

Штерн отмел предложение Оскара: кто он такой, чтобы приставать к Ингрид со своими вопросами? Да и какой смысл о чем-то говорить с девчонкой?

– Они плетут паутину вокруг Ингрид, – объяснил Шиндлер. – Они являются на Липовую получать, что им полагается, на месте подменяют накладные и вывозят больше товара, чем оплачено. «Она сказала, что все в порядке», – объясняют они моим работникам. Якобы они обо всем договорились с Ингрид...

Этот щенок собрал вокруг себя компанию и стал рассказывать, что, мол, он, Шиндлер, натравил на них эсэсовцев, дабы те избили их с отцом и выкинули из дома. История варьировалась от случая к случаю: то избиение якобы произошло на фабрике Шиндлера, на складе, откуда молодой Ц. в самом деле явился с синяком под глазом и с выбитым зубом, то на улице Лимановского, в присутствии свидетелей. Человек по фамилии Ф., работающий у Оскара, приятель Ц., утверждал, что слышал, как Оскар топал ногами в своем кабинете на Липовой и угрожал стереть с лица земли старого Давида Ц. Говорилось также, что Оскар, явившись напрямик на Стародомскую, проверил кассовые книги Ц. и, набив карманы деньгами, объяснил им, что теперь в Европе царит «новый порядок», после чего ударил старого Давида в его же кабинете.

Можно ли представить себе, чтобы Оскар Шиндлер набросился на пожилого Давида с кулаками, после чего тот, весь в синяках, слег в постель? Похоже ли на него, что он мог позвонить своим друзьям в полицию, чтобы те расправились с Леоном?

И Оскар, и Ц. – они были в равной мере мошенниками, незаконно спускавшими на сторону тонны кухонной посуды, не поставляя данных об объеме продаж в *Bezugschein*. На черном рынке все дела решались просто и быстро. Оскар признал, что наорал на Ц., обозвав отца и сына ворами, и подстраховал себя тем, что выгреб из кассы ту выручку, которую Ц. получил за незаконно вывезенную с его склада посуду. Оскар признал также, что дал плюху молодому Леону. Но это было все, что он себе позволил.

Сами же Ц., семью которых Штерн знал с детства, вполне заслуживали своей репутации. Они не были уголовниками в прямом смысле слова, но ухо надо было с ними держать остро, особенно в подобных ситуациях, ибо, когда их ловили за руку, они сразу же начинали вопить: мол, держи вора!

Штерн знал, что Леон Ц. в самом деле ходил какое-то время в синяках. Леон гордился ими и собирался извлечь из них все, что только возможно. Избиения эсэсовцами и в самом деле случались повсеместно, но для этого могли быть десятки причин. Штерн не сомневался, что Оскар никогда не обратился бы к СС за такого рода одолжением. Более того, его не покидало ощущение, что верить или не верить всему, что сказано по этому поводу, совершенно несущественно для его замыслов. Это станет существенным, если герр Шиндлер действительно проявит пример грубости и жестокости. Отдельные огрехи и оплошности не имели значения для целей Штерна. Будь Оскар без греха, не было бы у него в настоящем такой квартиры и не ждала бы его Ингрид в спальне.

И к тому же (Штерн твердил это себе снова и снова) – Оскар может спасти их всех: господина и госпожу Ц., Леона Ц., господина Х., фроляйн М., старую секретаршу Ц. – с чем они всегда соглашались, но предпочитали при этом продолжать мусолить эту дурацкую историю с синяками...

Этим же вечером Ицхак Штерн принес известие и о приговоре Мареку Биберштейну. Он получил два года тюремного заключения, этот Марек Биберштейн, председатель юденрата, или, точнее, бывший им до ареста. В других городах юденрат был неизменным объектом поношений со стороны еврейского населения, ибо его основной обязанностью было составление списков тех, кого насильственно выгоняли на работу или отправляли в лагерь. Немецкая администрация видела в юденрате орган, выполняющий их приказы. Но в Кракове Марек Биберштейн и его кабинет продолжали рассматривать себя как буфер между военным комендантом Кракова Шмидтом, а позже комендантом Павлу – с одной стороны, и еврейскими обитателями города – с другой. 13 марта 1940 года в немецкой газете Кракова доктор Дитрих Редекер заявил, что во время визита в юденрат был поражен контрастом между его коврами и бархатными креслами – и бедностью, запущенностью еврейского квартала в Казимировке. Стараясь получить кое-какие доходы, сотрудники юденрата, скорее всего, допустили те же ошибки, какие до них совершили их собратья в Лодзи и Варшаве, щедро позволяя богатым откупаться от внесения в рабочие списки и включая в них бедняков в обмен на миску супа и ломоть хлеба. Но даже позже, в 1941 году, Биберштейн и его штат по-прежнему пользовались уважением краковских евреев.

Первый состав юденрата состоял из двадцати четырех человек, преимущественно интеллектуалов. Каждый день, по пути к себе в Заблоче, Оскар проходил мимо их углового здания, в котором находилась куча отделов – что-то вроде настоящего кабинета министров, где каждый член совета отвечал за свой участок работы. Шенкер занимался сбором налогов, Штейнберг строительством – существенный пункт для сообщества, в котором люди постоянно уезжали и приезжали: на этой неделе часть беженцев перебирается в маленькую деревушку, на следующей – приезжает обратно в город, не в силах вынести ограничений крестьянского быта...

Леон Салпетер, фармацевт по профессии, занимался одним из учреждений социального вспомоществования. Существовали отделы по вопросам питания, похоронных услуг, здоровья, выездных документов, по вопросам экономики, административных служб, культуры и даже – при угрозе полного исчезновения евреев как народа – образования.

Биберштейн и его совет исходили из убеждения, что евреев, изгнанных из Кракова, ждет плохой конец, и поэтому решили прибегнуть к древней стратегии – взяткам. Из казны юденрата на эти цели было выделено 200 тысяч злотых. Биберштейн и секретарь по внутренним делам Хаим Голдфлусс нашли посредника, фольксдойче по фамилии Рейхерт, человека, у которого были контакты и с СС, и с городской администрацией. В задачу Рейхерта входило передать деньги целому ряду официальных лиц, начиная с оберштурмфюрера (звание в СС, эквивалентное младшему лейтенанту) Зейбеерта – офицера, осуществлявшего связь между юденратом и городской администрацией. За эту сумму официальные лица должны были разрешить 10 тысячам евреев из краковской общины оставаться по домам, невзирая на приказ Франка. То ли Рейхерт оскорбил чиновников, решив взять себе слишком большой процент за услуги, оставив на их долю слишком мало, то ли вовлеченные лица, поняв, что самым большим желанием генерал-губернатора Франка остается сделать Краков «юденфрай», сочли слишком опасным получение взятки – в ходе судебного процесса выяснить так и не удалось. Биберштейн получил два года в тюрьме Монтелюпич, а Голдфлусс – шесть месяцев в Аушвице. Сам Рейхерт заработал восемь лет. Тем не менее все понимали, что они пройдут у него куда легче, чем сроки у первых двоих.

Шиндлер лишь покачал головой, услышав, на каких шатких основаниях было выложено двести тысяч злотых.

– Рейхерт жулик, – пробормотал он.

Всего десять минут назад обсуждалась тема, являются ли он и Ц. жуликами, – и вопрос так и остался открытым. Но относительно Рейхерта сомнений у него не было.

– Я бы мог объяснить им, что в лице Рейхерта они имеют дело с жуликом, – продолжал он. Исходя из своих философских принципов, Штерн заметил, что наступают времена, когда людям не останется ничего иного, как вести дела с жуликами.

При этих словах Шиндлер от души, откровенно и жизнерадостно расхохотался.

– Большое спасибо, друг мой, – сказал он Штерну.

Глава 8

В этом году Рождество было не таким уж мрачным. И все же обстановка навевала непреходящее уныние, о чем напоминали и снежные заносы, скрывшие парк по другую сторону от квартиры Шиндлера, и густые шапки снега, казалось, навечно утвердившиеся на кровле Вавельского замка. Теперь никто уже не верил в быстрое разрешение положения дел: ни солдаты, ни поляки, ни евреи по обе стороны реки.

В это Рождество для своей польской секретарши Клоновской Шиндлер приобрел пуделька – забавную парижскую штучку, которого где-то раздобыл Пфефферберг. В подарок Ингрид он купил драгоценности и пару украшений послал милой Эмили в Цвиттау. Пуделей сейчас не так-то легко разыскать, сообщил Леопольд Пфефферберг. Вот драгоценности – сущий пустяк. Сейчас такие времена, что камни то и дело переходят из рук в руки...

Оскар продолжал поддерживать одновременные отношения с тремя женщинами, не говоря уже о случайных встречах с другими, казалось, не испытывая особых трудностей, которые часто выпадают на долю ловеласов. Гости, посещавшие его апартаменты, не могли припомнить, чтобы Ингрид когда-нибудь была в плохом настроении. Она неизменно оставалась доброй и симпатичной девушкой. А Эмили, у которой были куда более веские основания возмущаться, обладала слишком большим чувством собственного достоинства для того, чтобы устраивать Оскару сцены, которых он более чем заслуживал. Если у Клоновской и были какие-то претензии, они никоим образом не сказывались ни на ее поведении в приемной ДЭФ, ни на ее преданности герру директору. Можно было предположить, что при том образе жизни, который вел Оскар, стычки между разгневанными женщинами – обычное дело. Но никто из многочисленных друзей Оскара и его работников (а свидетелей его плотских грехов, которые при случае были не против позубоскалить над ними, имелось более чем достаточно) не могли припомнить ничего подобного.

Предположить, как это делали некоторые, что всех его женщин устраивало даже частичное обладание Оскаром, значило бы унижить их женское достоинство. Может быть, дело заключалось в том, что, если вы изъявляли желание поговорить с Оскаром о таком предмете, как верность, в глазах у него появлялось искреннее детское удивление, словно вы пытались втолковать ему теорию относительности, которую можно было понять только в результате не менее пяти часов неустанной концентрации. У Оскара никогда не было этих пяти часов, и он никогда не смог бы сконцентрироваться на подобной проблеме.

Если только речь шла не о матери.

Рождественским утром, отдавая дань ее памяти, Оскар отправился к мессе в церковь Святой Девы Марии. Над высоким алтарем зияла пустота, где еще несколько недель назад резной деревянный триптих Вита Ствоша привлекал внимание молящихся своей божественной красотой. Пустое пространство и убогость каменной кладки на том месте, где был триптих, отвлекала и раздражала герра Шиндлера.

Кто-то украл триптих. Он был отправлен в Нюрнберг. До чего гнусным стал этот мир!

Однако дела его этой зимой, как и прежде, шли просто отлично. С началом года его друзья из Инспекции по делам армии стали намекать Оскару, что неплохо было бы организовать цех по производству противотанковых снарядов. Снаряды интересовали Оскара куда меньше, чем кастрюли и сковородки. Производство посуды не доставляло практически никаких хлопот. После разделки металл шел под прессы, отштампованное изделие окунали в ванну и обжигали при соответствующей температуре. Не надо было тщательно калибровать оборудование, ибо сковородки не требовали такой точности, как оружие. Снаряды нельзя было продавать из-под прилавка, а Оскару нравилась торговля с черного хода – нравилась своим спортивным азар-

том, отсутствием бумажной волокиты и тем, что, несмотря на сопряженные с ней опасности, позволяла быстро оборачиваться деньгам.

Но, понимая, что причастность к политике пойдет ему на пользу, он все же организовал участок по производству вооружения, поставив несколько мощных прецизионных прессов «хило» и станки для обработки снарядных гильз, которые заняли целый ряд во втором цехе. Организация такого участка была довольно хлопотным делом: несколько месяцев планирования, размещения оборудования и проведения испытаний, прежде чем появилась первая качественная гильза. Однако в результате огромные прессы «хило» позволили Шиндлеру увереннее смотреть в непредсказуемое будущее; по крайней мере теперь он имел дело с настоящей военной индустрией.

Еще до того, как прессы «хило» были смонтированы и отлажены, Оскар стал получать сигналы от своих друзей из СС на Поморской, что близится время организации еврейского гетто. Он рассказал об этих слухах Штерну, дав понять, что тревожиться пока не стоит. Ну да, заметил Штерн, об этом поговаривают, слово произнесено. Кое-кто уже предвидел такое развитие событий. Мы окажемся внутри, а враги останутся снаружи. Мы сможем заниматься своими делами. Никто не будет завидовать нам, даже камни на улицах. Вокруг гетто будут возведены непроницаемые стены. И они станут зримым выражением катастрофы.

Указ «ген. – губ. 44/91», датированный 3 марта, был опубликован в ежедневных газетах Кракова, его зачитывали и через громкоговорители машин, разъезжавших по Казимировке. Находясь на участке вооружений, Оскар услышал, как один из его немецких техников прокомментировал новость.

– Разве им там не будет лучше? – спросил техник. – Ведь всем известно, что поляки их ненавидят.

Указ объяснялся точно так же: организация закрытого еврейского квартала необходима, чтобы устранить расовые конфликты в генерал-губернаторстве. Пребывание в гетто будет носить обязательный характер для всех евреев, но обладатели соответствующих рабочих удостоверений смогут отправляться из гетто на работу в город, возвращаясь по вечерам обратно. Гетто будет размещено в пригороде Подгоже, по ту сторону реки. Конечный срок для переезда определен – 20 марта. В его пределах вопросами размещения будет весть юденрат, а те поляки, которые в настоящее время живут на территории гетто и которым придется переезжать, должны обращаться в соответствующие квартирные отделы в других частях города.

К указу прилагалась карта нового гетто. С севера оно ограничивалось рекой, с востока – железнодорожной линией на Львов, с юга – холмами за Рекавкой, а с запада – площадью Подгоже.

Здесь должно было разместиться огромное количество народа.

Предполагалось, что репрессии теперь обретут какую-то форму и, при всей ограниченности будущего, евреи получат возможность хоть как-то предугадывать его.

Для таких людей, как Иуда Дрезнер, оптовый торговец текстилем, которому довелось познакомиться с Оскаром, предыдущие полтора года были сплошной чередой ограничительных распоряжений, грабежей и конфискации. Он потерял контакты с кредитным агентством, свою машину и квартиру. Его банковский счет был заморожен. Школа, куда ходили его дети, закрылась, а если бы не закрылась, их все равно ждало исключение из нее. Фамильные драгоценности были конфискованы, как и радиоприемник. Ему и его семье запрещалось появляться в центре Кракова, он не имел права невозбранно ездить в трамвае – он и ему подобные могли пользоваться только специальными вагонами. Его жена, дочь и сыновья то и дело попадали в облавы, их в принудительном порядке гнали убирать снег или на другие тяжелые и грязные работы. И когда их силой загоняли на грузовик, никогда нельзя было знать, как долго про-

длится их отсутствие, не попадут ли они во время работы под надзор сумасшедшего охранника с пальцем на спусковом крючке...

Твердая почва уходила из-под ног, возникало ощущение, что ты стремительно катишься в бездонную яму. Но, может, дном ее и должно оказаться гетто, где хотя бы удастся привести в порядок свои мысли?

Евреи Кракова были приучены – точнее, это было у них в крови – к мысли о существовании гетто. И когда наконец решение было принято – само это слово прозвучало для них успокоительно, вызывая воспоминания о ряде предков, обитавших в нем. Их дедушкам не разрешалось выбираться за пределы гетто в Казимировке вплоть до 1867 года, когда Франц-Иосиф подписал декрет, разрешавший евреям жить в городе всюду, где они пожелают. Циники утверждали, что австрийцам было необходимо откупорить Казимировку, разместившуюся в излучине притока реки недалеко от Кракова, чтобы польские рабочие могли найти себе пристанище недалеко от работы. Тем не менее старики из Казимировки относились к Францу-Иосифу с нескрываемым уважением – так же, как и в тех местах, где прошло детство Оскара Шиндлера.

Хотя они с таким запозданием получили свободу, среди пожилых краковских евреев жила ностальгия по старому гетто в Казимировке. Да, понятие гетто включало в себя грязь и запущенность, переполненные жилища, необходимость занимать очередь к умывальнику, споры из-за мест для сушки белья. Зато оно предоставляло евреям священное право беспрепятственно заниматься своими делами, изучать свои бесценные науки, распевать свои песни и обсуждать идеи сионизма, сидя бок о бок в кофейнях, где было вдоволь если не сливок, то хотя бы идей. Из гетто Лодзи и Варшавы доходили зловещие слухи. Но все продолжало идти по плану: под гетто в Подгоже было отведено достаточно места и, если свериться с картой, становилось понятно, что гетто займет площадь чуть ли не в половину Старого города. Хотя пределы его были ограничены, давки тут, во всяком случае, не предполагалось.

Кроме того, появилось распоряжение достаточно успокоительного характера, которое обещало евреям защиту от их польских соотечественников. С начала 30-х годов в Польше процветала продуманно организованная межрасовая неприязнь. Когда началась Депрессия и упали цены на сельскохозяйственную продукцию, польское правительство санкционировало организацию антисемитских политических групп, которые утверждали, что евреи являются причиной всех проблем. Санация, Партия Морального Очищения маршала Пилсудского, после смерти старого вождя заключила союз с лагерем Национального Единства – группой правых воззрений, травившей евреев. Премьер-министр Сладковски так и объявил в парламенте: «Экономическая война евреям? Отлично!» Вместо того чтобы ввести для крестьян земельную реформу, Санация побуждала их в рыночные дни присматриваться к еврейским прилавкам как к символу исчерпывающего объяснения, почему сельская Польша так бедна. Начавшись в Гродно в 1935 году, в нескольких городах прошли еврейские погромы. Польские законодатели одержали победу, и еврейские предприятия начали задыхаться под гнетом новых законов о банковских кредитах. Промышленные гильдии закрывали свои двери перед еврейскими ремесленниками, а университеты ввели квоту – или, как они сами, испытывая приверженность к классикам, называли ее – *rumbus clausus aut nullus* (количество ограниченное или равное нулю) на поступление еврейских студентов. Факультеты уступили настойчивым требованиям Национального Союза, чтобы евреям отводились специальные скамьи в аудиториях, с левой стороны лекционных залов. Привычным делом в польских университетах стали случаи, когда яркие, симпатичные и одаренные девушки из семей городского еврейства выбегали из аудиторий, спасаясь от бритв, которыми полосовали их лица серьезные молодые люди из Союза Национального Единства.

В первые же дни немецкой оккупации завоеватели были удивлены той радостной готовностью, с которой поляки указывали на имущество, принадлежавшее евреям, и скручивали по

рукам и ногам погруженных в молитву евреев, пока немцы выщипывали ортодоксам бороды или, не мудрствуя лукаво, уродовали им лица штыками.

Но в марте 1941 года еще верили обещаниям немцев оберечь евреев от эксцессов польских националистов...

Хотя евреи Кракова не выражали громогласно свою радость, складывая вещи для переезда в Подгоже, чувствовалось странное настроение – как будто они возвращались домой, переходя ту черту, за которой, если повезет, можно не опасаться грабежей и издевательств. Во всяком случае, даже те, кто нашел себе пристанище в деревушках вокруг Кракова – таких как Величка, Неполомице, Лишницы, Муроване и Тынеца, – заторопились в Краков, опасаясь не успеть до 20 марта, пусть даже их и ждала жизнь безо всяких удобств. Потому что гетто по самой своей природе, по определению, означало возможность выжить, пусть даже время от времени подвергаясь нападениям.

Гетто означало *статис* – стабильность вместо неопределенности.

Появление гетто внесло некоторое неудобство в жизнь Оскара Шиндлера. Он привык, покидая свою роскошную квартиру на Страшевского, проезжать мимо величественного утеса Вавельского замка, перекрывавшего доступ к городу, подобно пробке в горлышке бутылки, затем пересекать Казимировку, по мосту Костюшко – и сворачивать налево, к своей фабрике в Заблоче.

Теперь этот маршрут был перекрыт стенами гетто.

Проблема была не так уж существенна, но она снова вызвала к жизни мысль, что имеет смысл оборудовать квартиру на верхнем этаже административного здания на Липовой. Это было недурное здание, возведенное в стиле Вальтера Гроппиуса: обилие стекла и света, роскошная кирпичная кладка у въезда...

Когда бы в эти мартовские дни Оскар ни проезжал через город, направляясь в Заблоче, он видел, как упаковывались евреи Казимировки, как с раннего утра вереницы их двигались по Страдомской, толкая и таща за собой тележки, нагруженные стульями, матрацами и часами – добром, которое перетаскивалось в гетто. Их семьи обитали в Казимировке еще с тех незапамятных времен, когда приток большой реки, называвшийся Старая Висла, отделил этот островок от центра. Точнее, с тех времен, когда Казимир Великий пригласил их обосноваться в Кракове, который тогда, как и все прочие города, был опустошен проклятием Черной Смерти – чумы. Оскар смотрел на них и думал о том, что более пятисот лет назад их предки вот так же добирались до Кракова, толкая перед собой тележки со скарбом...

И теперь они уходили из него – казалось, с теми же тачками.

Приглашение Казимира отменено.

Во время утренних поездок по городу Оскар заметил, что по плану городские трамваи должны двигаться по Львовской – через самый центр гетто. Стены, подходящие к путям, возводились руками польских каменщиков, все проходы перекрывались цементными преградами. Все двери трамваев при въезде в гетто должны были оставаться наглухо закрытыми, транспорт не имел права останавливаться, пока опять не выезжал в *Umwelt* — арийский мир, на угол улиц Львовской и Кинги.

Оскар понимал, что люди все равно будут пользоваться трамваями. Закрытые двери, езда без остановок, пулеметы на стенах – все это не имело значения. Людей-то не изменишь! Все равно они будут проникать внутрь – какая-нибудь преданная польская горничная с пакетиком сосисок. И люди будут выбираться за стены гетто, все эти лихие молодые атлеты вроде Леопольда Пфедферберга, и в их карманах будут лежать драгоценные камни или пачки оккупационных злотых, а может, зашифрованное послание для партизан. Люди будут использовать

малейшую возможность выйти за пределы запертых дверей, выскользнуть из-за непроницаемых стен...

С 20 марта евреи, работавшие у Оскара, не должны были получать зарплату, ибо предполагалось, что они будут существовать исключительно за счет своих продуктовых карточек. Вместо этого он должен был платить определенную сумму штаб-квартире СС в Кракове. И Оскар, и Мадритч – оба испытывали нравственные терзания, ибо понимали, что войне рано или поздно придет конец, и рабовладельцы, подобно тому, как это было в Америке, будут подвергнуты позору и выставлены на всеобщее поношение. Суммы, которые они должны были выплачивать шефу полиции, были определены стандартами главного административно-хозяйственного отдела СС: семь с половиной марок в день за квалифицированного рабочего, пять рейхсмарок – за неквалифицированных и женщин. Надо сказать, что цены эти были все же дешевле, чем на свободном рынке рабочей силы. Но и у Оскара, и у Юлиуса Мадритча ощущение морального дискомфорта перевешивало материальную выгоду.

В том году платежные ведомости вообще мало беспокоили Оскара. Он никогда не был идеальным бизнесменом. В молодости отец часто упрекал его, что он легкомысленно относится к деньгам. Еще будучи простым коммивояжером, он обзавелся двумя автомобилями – в надежде, что слух о них дойдет до Ганса и тот будет потрясен. Теперь же, в Кракове, он мог позволить себе целую «конюшню» – бельгийская «Минерва», «Майбах», кабриолет «Адлер» и «БМВ».

Быть расточительным и при этом преуспевать куда больше, чем бережливый отец, – это была одна из тех побед, которые Оскар хотел одержать над жизнью.

Так же относился к этому и Мадритч. Его предприятие по пошиву обмундирования находилось в западной части гетто, в миле (или около того) от эмалировочной фабрики Оскара. Дела у него шли настолько хорошо, что он уже подумывал об открытии аналогичного предприятия в Тарнуве. Он так же пользовался симпатией и расположением Инспекции по делам вооруженных сил: доверие к нему было столь велико, что он получил кредит в миллион злотых из Эмиссионного банка.

Однако какие бы этические терзания они ни испытывали, ни Оскар, ни Юлиус не считали, что как предприниматели несут на себе моральные обязательства избегать приема на работу евреев, которые им были нужны. Имелись определенные препятствия, но, поскольку оба они были прагматиками, пасовать перед ними было не в их стиле. Ицхак Штерн, а также Роман Гинтер – бизнесмен, представлявший отдел трудоустройства юденрата, связались с Оскаром и Юлиусом, попросив их принимать на работу как можно больше евреев. Целью ставилось – обеспечить хоть какое-то экономическое существование гетто.

На этом этапе Штерн и Гинтер сошлись во мнении, что евреи, которые представляют экономическую ценность для разбухшей империи, испытывавшей нужду в квалифицированной рабочей силе, пока избавлены от худшей судьбы. С чем согласились и Шиндлер с Мадритчем.

Итак, в течение двух недель евреи перетаскивали свои повозки через Казимировку и по мосту, сосредоточиваясь в Подгоже. Семьям из среднего класса помогала толкать тележки их польская прислуга. На дне тележек лежали еще сохранившиеся брошки и меховые шубы, прикрытые скарбом из матрацев вперемешку со сковородками и кастрюлями с длинными ручками. Толпы поляков на Страдомской и Старовислинской веселились, кидая в них грязью:

– Евреи уходят, евреи уходят! Пока, евреи!

За мостом наспех возведенные деревянные ворота встречали новых обитателей гетто. Украшенные фестонами из светлой свежеструганной древесины, которые придавали им какой-то причудливый вид, они включали в себя и две широкие арки для трамваев, которые, пересекая гетто, возвращались в собственно Краков, а сбоку размещалась будка охраны из

такой же светлой древесины. Над аркой красовалась надпись на иврите, которая должна была вселять спокойствие.

«ЕВРЕЙСКИЙ ГОРОД», – оповещала она.

Вдоль стороны гетто, выходящей к реке, была натянута высокая изгородь из колючей проволоки, а все прочие проходы в гетто перекрыты цементными плитами трехметровой высоты с закругленными наверху, напоминавшими ряды могильных надгробий, поставленных неизвестным мертвецам.

У ворот гетто навьюченных евреев встречали представители отдела внутренних дел юденрата. Если у поселенца были жена и большая семья, он мог рассчитывать на две комнаты и право пользоваться кухней. Даже в этом случае, после нормальной жизни в 20-х и 30-х годах, было мучительно трудно делить личную жизнь с другими семьями, с иными привычками, правилами, с другими, порой неприятными запахами. Матери плакали, а отцы говорили: могло быть и хуже; и, цыкая дырявыми зубами, сокрушенно качали головами. Ортодоксам приходилось с отвращением смиряться с присутствием в одной с ними комнате либералов.

К двадцатому марта переселение было закончено.

Теперь любой еврей, оставшийся за пределами гетто, подвергался опасности, которая могла в лучшем случае кончиться штрафом. Внутри же – по крайней мере в настоящий момент – можно было хоть как-то жить.

Двадцатитрехлетней Эдит Либгольд была предоставлена комната на первом этаже, которую она делила с матерью и ребенком. Падение Кракова восемнадцать месяцев назад ввергло ее мужа в мрачное настроение, граничащее с отчаянием. Он то и дело уходил из дому, пытаясь выяснить, какие у него есть возможности. Он носился с идеями, что удастся уйти в леса, куда-то сбежать.

Однажды он ушел – и больше не вернулся.

Из крайнего окна комнаты перед Эдит Либгольд открывался вид на Вислу, затянутый частоколом колючей проволоки путь в другую часть гетто – в больницу на Венгерской, он тянулся через плац Згоды – единственную площадь на территории гетто.

На второй день пребывания в пределах этих стен она всего на двадцать секунд разминулась с грузовиками СС, забиравшими всех встречных в город на принудительные работы по уборке снега и погрузке угля. По слухам, такие команды возвращались обратно, потеряв несколько своих членов. Но более всего Эдит опасалась оказаться в грузовике, когда она спешила в аптеку Панкевича, а через двадцать минут ребенка надо было кормить. Чтобы уберечься от захватов, Эдит с подружкой отправилась в отдел занятости. Если ей удастся получить сменную работу, по ночам за ребенком присмотрит мать.

В эти первые дни отдел был переполнен. В распоряжении юденрата находились собственные полицейские силы – *Ordnungsdienst* (OD), организованные и предназначенные для поддержания порядка в гетто, и молодые люди в фуражках и с наруканными повязками наводили теперь порядок в очереди перед конторой.

Группа, включавшая Эдит Либгольд, уже подходила к дверям, болтая, чтобы убить время, когда к ней подошел невысокий человек средних лет в коричневом пиджаке и при галстуке. С одинаковой уверенностью можно было предположить, что его привлекли и яркая внешность Эдит, и ее раскованное поведение. Поначалу все решили, что он решил подцепить Эдит.

– Послушайте, – сказал он. – Чем тут торчать... есть некая эмалировочная фабрика в Заблочце...

Назвав адрес, он увидел, какое воздействие произвел. Заблочце вне пределов гетто, сказал он им. Там можно меняться чем угодно с польскими рабочими. И ему нужно десять здоровых женщин для работы в ночную смену.

Девушки скорчили физиономии, словно у них был большой выбор занятий и они могли отказаться от его предложения.

Работа не тяжелая, заверил он их. И их будут учить. Его имя, сказал подошедший, Абрахам Банкер. Он управляющий. Владелец фабрики, конечно, немец.

– Какого сорта немец? – спросили его.

Банкер улыбнулся, словно у него появилась возможность разом удовлетворить их пожелания. Неплохой, сказал он им.

Этим же вечером Эдит Либгольд встретила с остальными работницами ночной смены на эмалировочной фабрике и через все гетто, под охраной еврейской службы порядка, направилась в Заблоче. По пути они задавали вопросы относительно Дойче Эмалфабрик.

Суп там дают наваристый, сказали ей.

– Бьют? – спросила она.

Там это не принято, сказали ей. Там не то, что на заводе бритвенных лезвий Бекмана. Скорее как у Мадритча. У Мадритча жить можно, и у Шиндлера тоже.

При входе на предприятие новые работники ночной смены были отозваны Банкером из колонны, и он отвел их наверх, где, миновав пустые письменные столы, они оказались перед дверью с надписью «Директор». Эдит Либгольд услышала низкий грудной голос, который пригласил их войти.

Герр директор встретил их, сидя на краю стола с сигаретой. Его волосы, цвет которых колебался между блондином и светлым шатеном, были недавно подстрижены; на нем красовались двубортный пиджак и шелковый галстук. Он выглядел как человек, который уже собрался на званый обед, но задержался специально, чтобы сказать им несколько слов. Он был высок, и широкоплеч, и – это бросалось в глаза – еще очень молод. От такой воплощенной мечты гитлеризма Эдит ожидала услышать лишь лекцию о военных усилиях и о необходимости увеличить выпуск продукции.

– Я хотел бы поприветствовать вас, – сказал он по-польски. – Вы стали частью коллектива этого предприятия. – Он отвел глаза в сторону; может, даже ему в голову пришла мысль: «Не стоило им этого говорить...»

Затем, не моргнув глазом, без всяких вступлений и многозначительных жестов, он сказал им:

– Работая здесь, вы будете в безопасности. Если вы останетесь здесь, то выйдете с фабрики живыми после войны.

Затем, пожелав всем спокойной ночи, он оставил кабинет, дав Банкеру возможность поприветствовать новоприбывших на верхней площадке лестницы, чтобы герр директор успел спуститься первым и сесть за руль своей машины.

Обещание поразило их.

Оно прозвучало словно глас божий.

Каким образом простой человек может им это гарантировать? Но Эдит Либгольд поймала себя на том, что сразу же и безоговорочно поверила ему. Не только потому, что ей хотелось верить; не потому, что клюнула на приманку бессмысленных обещаний. А потому, что в долю секунды она поняла: обещание герра Шиндлера продиктовано не мнением, а убеждением.

Новый набор женщин на ДЭФ получал инструкции, испытывая сладостное головокружение. Словно какая-то рехнувшаяся старая цыганка, даже не получив подаяния, пообещала им, что любая из них выйдет замуж за графа. Слова Шиндлера решительно изменили отношение Эдит Либгольд к жизни. И если бы даже ее стали расстреливать, она, скорее всего, возмутилась бы: «А герр директор сказал, что этого не может быть!»

Работа не требовала никаких умственных усилий. Захватами на длинных рукоятках Эдит переносила посуду из ванн для эмалирования в печь для обжига. И все время в ушах у нее звучало обещание герра Шиндлера. Только сумасшедший может высказывать его с такой абсолютной уверенностью, не моргнув глазом! Но он явно не был умалишенным. Он был деловым человеком, который спешил на какой-то обед. Но он должен знать. Это означало, что у него был какой-то иной подход, другой взгляд, он имел отношение или к богу, или к дьяволу, во всяком случае, к порядку вещей – уж точно. Но, с другой стороны, его внешний вид, его холерные руки с золотыми кольцами меньше всего отвечали представлениям об ясновидцах. Руки его привыкли держать бокал с вином; у него были руки мужчины, вызывавшие желание ощутить исходящую от них ласку. Она снова и снова возвращалась к мысли, что он просто сумасшедший или крепко выпил – она искала какие-то мистические объяснения той уверенности, которой преисполнилась после слов герра директора.

В этом году и в последующее время такие же размышления не покидали и всех остальных, кому Оскар Шиндлер дал столь же твердые обещания. Кое-кто пытался понять, есть ли под ними какое-то основание. Если этот человек ошибается, если при всей своей власти он столь необдуманно бросает слова, то, значит, нет бога, и нет человечности, и хлеба нет, и нет горчичного зерна на земле...

Глава 9

Этой весной Оскар, оставив свое предприятие в Кракове, направился в своем «БМВ» на запад, пересек границу и – через пробуждающиеся к жизни весенние леса – взял курс на Цвиттау. Он должен был повидаться с Эмили, со своими тетками и сестрой. Все они объединились в непримиримом союзе против его отца; они старательно поддерживали огонь, возжженный в честь мученичества его матери. И если было какое-то сходство между униженным положением его матери и его жены, то Оскар Шиндлер – в своем пальто с меховыми отворотами, уверенно держащий руль с небрежным изяществом, что не мешало ему время от времени брать очередную турецкую сигарету из бардачка, – его не видел. Он любил навещать своих теток, ему нравилось, как они восторженно всплескивали ладошками, восхищаясь покроем его сюртука. Его младшая сестра вышла замуж за одного из начальников железной дороги и жила в уютной квартирке, предоставленной железнодорожным руководством. Ее муж был важной фигурой в Цвиттау – с его транспортным узлом и огромными грузовыми пакгаузами. Оскар попил чаю с сестрой и ее мужем и позволил себе немного шнапса.

В общем, дети Ганса Шиндлера жили очень даже неплохо.

Конечно, именно сестра Шиндлера заботилась о фрау Шиндлер во время ее последней болезни, а сейчас она втайне посещала отца и общалась с ним. Она не могла позволить себе ничего большего, кроме как осторожно намекнуть на возможность примирения, что она и сделала во время чаепития, получив в ответ неопределенное ворчание.

Позже Оскар еще раз пообедал – дома, с Эмили. Она была искренне рада его присутствию в эти праздничные дни. Они вместе, подобно старомодной добропорядочной паре, посетили пасхальную службу. Празднование прошло как нельзя лучше, а потом они церемонно танцевали весь вечер, хотя за столом держались с несколько отчужденной вежливостью. В глубине души оба они – и Оскар, и Эмили – были поражены странной особенностью их брака: он и давал, и получал куда больше в отношениях с чужими людьми, с работниками своей фабрики, но только не с ней.

Проблема, довлеющая над ними, заключалась в том, что они никак не могли решить, стоит ли Эмили перебираться к нему в Краков. Если она отказалась бы от своих апартаментов в Цвиттау, пустив в них жильцов, ей пришлось бы насовсем застрять в Кракове. Она считала своей святой обязанностью быть вместе с Оскаром; на языке моральных категорий католической теологии ее отсутствие в доме служило «поводом к случайному греху». Однако жизнь с ним в чужом городе могла быть приемлема только в том случае, если он внимательно, чутко и предупредительно будет относиться к ее чувствам. Беда же с Оскаром заключалась в том, что на него нельзя было положиться – он не собирался отказываться от своих пороков. Беспечный, то и дело под хмельком, с неизменной улыбкой на губах – казалось, он не сомневался, что, если ему понравится какая-нибудь девушка, она должна тоже сразу проникнуться к нему симпатией.

Нерешенный вопрос о переезде в Краков настолько давил на них, что после окончания обеда он извинился, покинул жену и направился в кафе на главной площади. Это заведение нередко посещали горные инженеры, мелкие дельцы и случайные коммивояжеры, имеющие дело с армейскими офицерами. Среди посетителей он с удовольствием разглядел своих друзей времен увлечения мотоциклом. Большинство из них были в форме вермахта. Они выпили коньячка. Кое-кто выразил удивление, что такой здоровый мужик, как Оскар, до сих пор не в мундире.

– Хватает дел и с производством, – проворчал он. – Более чем хватает.

Воспоминания о днях юности, о мотоциклах захватили их. Посыпались шутки по поводу аппарата, который Оскар собрал по кусочкам еще старшекласником. Сколько было грохота! Да уж, его пятисоткубовый «Галлони» грохотал на славу. Шум в кафе нарастал по мере того, как падал уровень коньяка в бутылках. И к концу ужина они превратились в компанию старых школьных друзей: их лица сияли, словно они вновь обрели утраченный смех – да так оно и было на самом деле...

Затем один из них посерьезнел.

– Послушай, Оскар. Тут обедает твой отец, и он всегда в одиночестве.

Оскар Шиндлер смотрел в рюмку с коньяком. Лицо его побагровело, но он лишь пожал плечами.

– Тебе надо бы поговорить с ним, – поддакнул кто-то.

– Бедный старик, от него осталась лишь тень.

Оскар сказал, что он лучше пойдет домой, и начал было вставать, но руки приятелей вцепились ему в плечи, заставив снова сесть.

– Он знает, что ты здесь, – убеждали его они.

Двое уже отправились в пристройку к залу и уговаривали старого Шиндлера присоединиться к их обеду. Оскар, охваченный паникой, наконец поднялся, но, пока он рылся в карманах в поисках бумажника, из зала, влекомый двумя молодыми людьми, появился Ганс Шиндлер, на лице которого было страдальческое выражение. Оскар оцепенел, увидев его. Как бы он ни гневался на своего отца, он всегда считал, что, если им и суждено вновь сблизиться, путь этот придется пройти ему. Старик был слишком горд.

А вот сейчас он позволил, чтобы его привели к сыну.

Пока их подталкивали друг к другу, первой реакцией старика стала смущенная улыбка, сопровождаемая движением бровей. Эта знакомая улыбка повергла Оскара в смятение. «Я ничего не мог поделать, – словно бы хотел сказать ему Ганс. – И брак, и все остальное, что было между твоей матерью и мною, – все это шло по своим законам».

Мысль, скрывавшаяся за этой улыбкой, могла быть и другой, но этим же вечером Оскар видел точно такое же выражение на другом лице – на своем собственном, когда, глядя на себя в зеркало в холле квартиры Эмили, он пожал плечами: «И брак, и все прочее – все идет по своим собственным законам». Он обменялся этим взглядом с самим собой, и вот об этом же дает ему понять его отец...

– Как поживаешь, Оскар? – спросил Ганс Шиндлер.

Последнее слово прозвучало со зловещей одышкой. Здоровье отца стало куда хуже по сравнению с теми временами, когда он помнил его.

Оскар Шиндлер решил, что даже герр Ганс Шиндлер заслуживает человеческого отношения – это была мысль, с которой он был не в состоянии смириться за чаепитием у своей сестры; и, обняв старика, он трижды расцеловал его в обе щеки. Почувствовав прикосновение отцовской щетины, он не смог удержаться от слез в окружении компании инженеров, солдат и бывших мотоциклистов, аплодировавших этой трогательной сцене.

Глава 10

Советник юденрата Артур Розенцвейг, который по-прежнему считал, что он отвечает за здоровье, жизнь и продовольственный рацион обитателей гетто, настоятельно внушал еврейской полиции гетто, что они служат обществу. Он пытался внушить этим молодым людям хоть какое-то понятие о сострадании, чему-то научить их. Хотя в штаб-квартире СС ОД рассматривали как обыкновенные вспомогательные полицейские силы, которые должны просто исполнять приказы, как и любая другая полиция, большинство членов службы порядка видели себя в совершенно ином качестве.

По мере того как в гетто налаживалась жизнь, полицейские становились объектами подозрительного отношения, предполагаемыми предателями и коллаборационистами. Кое-кто из них поставлял информацию подполью, бросая вызов системе, но, скорее всего, большинство из них считало, что существование и их, и их семей зависит от степени сотрудничества с СС. Честный человек рассматривал службу порядка в гетто как сборище взяточников. Жуликам в ней было раздолье.

Но в первые месяцы своего существования в Кракове ОД еще пользовалась уважением. В силу неопределенности своего положения Леопольд Пфедферберг постарался вступить в ее ряды, когда всем формам образования для евреев, даже тем, что были организованы юденратом, в декабре 1940 года был положен конец. Польдеку было предложено вести книгу записей на прием и организовывать очередь в отделе внутренних дел юденрата. Занятие это отнимало у него лишь часть времени, зато обеспечивало прикрытие, с помощью которого он мог относительно свободно ездить по Кракову. В марте 1941 года была организована служба, основной целью которой было наведение порядка среди евреев, прибывающих в Подгоже из других частей города, и защита их. Польдек принял предложение и обзавелся форменной фуражкой. Он не сомневался, что понимает поставленные задачи – не только обеспечить нормальное существование людей в пределах гетто, но и добиваться от соплеменников подчинения, которое, как неоднократно бывало в истории европейского еврейства, гарантировало, что угнетатели быстрее оставят их в покое, станут меньше обращать на них внимание и жизнь понемногу обретет приемлемые формы.

В то же время Пфедферберг не прекращал свою тайную деятельность, таская сквозь ворота гетто туда и обратно кожаные изделия, драгоценности, меха, валюту. Он знал, что охранник у ворот – Освальд Боско, полицейский – настолько ненавидел режим, что позволял пронести в гетто материалы, из которых потом производили товар: одежду, скобяные изделия, – а потом все это продавали в Кракове. Он даже не брал за это взятки.

Минуя ворота гетто в роли официального лица, Пфедферберг на какой-нибудь тихой улочке дергивал еврейскую нарукавную повязку и отправлялся по делам в Казимировку или центр Кракова.

Из-за голов пассажиров в трамвае он видел на городских стенах свежие объявления, оповещающие о суровых карах за укрывательство польских бандитов, лозунги типа «ЕВРЕИ – ВШИ – ТИФ», плакаты – на них невинная польская девушка протягивала еду носатому еврею, тень которого отражалась в виде дьявола: «Тот, кто помогает еврею, помогает Сатане». Рядом с лавочками висели красочные карикатуры на евреев, делающих фарш для пирожков из крысиного мяса, разбавляющих водой молоко, посыпаящих вшами пирожные; грязными ногами они месили тесто. Стараниями плакатистов и писак из Министерства пропаганды на улицах Кракова формировался отвратительный образ гетто. Но Пфедферберг, по виду типичный ариец, спокойно поглядывал на «произведения искусства», проходя мимо них с сумкой, полной одежды, драгоценностей или валюты.

Самый сильный удар Пфедферберг получил в прошлом году, когда Франк изъял из обращения банкноты по сто и пятьсот злотых и объявил, что все купюры данного достоинства должны быть депонированы в Кредитном фонде рейха. Поскольку евреям разрешалось обменивать только две тысячи злотых, это означало, что все тайные накопления – владеть суммой свыше двух тысяч злотых было противозаконно – превратились в труху. Кое-кому удавалось найти какого-нибудь обладателя арийской внешности, который мог рискнуть, сняв повязку, пристроиться к длинной очереди поляков у Кредитного банка рейха. Пфедферберг и его молодые друзья-сионисты собрали у обитателей гетто несколько сотен тысяч злотых выше-названных номинаций и, вынося полные саквояжи денег, возвращались с имеющей хождение оккупационной валютой – минус те суммы, что приходилось тратить на подкуп польской синемундирной полиции у ворот гетто.

Вот таким полицейским был Леопольд Пфедферберг.

Превосходным – с точки зрения советника Артура Розенцвейга; совершенно неприемлемым – по стандартам Поморской.

Оскар посетил гетто в апреле – из любопытства, а еще ему надо было заглянуть к ювелиру, которому он заказал два кольца. Он убедился, что район населен куда плотнее того, что он мог себе представить: в одной комнате размещали по две семьи, разве что, к вашему везению, у вас был знакомый в юденрате. Всюду стоял удушливый запах засорившейся канализации, но женщины ухитрились спастись от эпидемии сыпного тифа, тщательно выскабливая все углы и кипятя во дворе белье.

– Времена меняются, – доверительно сообщил Оскару ювелир. – Еврейской полиции выдали дубинки.

Администрация гетто, как и во всех гетто в Польше, теперь находилась под контролем не губернатора Франка, а секции гестапо 4В, и высшей властью по всем еврейским делам в Кракове стал ныне оберфюрер СС Юлиан Шернер, энергичный добродушный человек в возрасте 45–50 лет: с лысиной и в толстых очках, он смахивал на заурядного чиновника. Оскар встречался с ним на приемах с коктейлями, которые иногда устраивали немцы. Говорил на приемах главным образом Шернер – и не только о войне, но и о бизнесе, и о вложениях капитала. Он принадлежал к функционерам, которые в изобилии встречались среди эсэсовцев среднего ранга: мужчины спортивного склада, они интересовались женщинами, выпивкой и конфискованными вещами. Порой казалось, что его детская ухмылка, появляющаяся в уголках губ, выдает его наслаждение неожиданной властью. Хотя он всегда был в хорошем расположении духа, однако отличался полным бессердечием. Оскар сказал бы, что Шернеру больше нравилось работать с евреями, чем убивать их, что ради выгоды он мог бы и обойти законы, но Шернер неуклонно следовал генеральной линии политики СС, к чему бы она ни вела.

Оскар припомнил, что на прошлое Рождество он послал шефу полиции шесть бутылок коньяка. Ныне власть этого человека значительно расширилась, в этом году он обойдется ему значительно дороже.

СС больше не было только орудием политики, но и само стало определять ее. И под жарким июньским солнцем еврейская служба порядка обрела новый характер.

Как-то, проезжая через гетто, Оскар познакомился с новой личностью – бывшим стекольщиком Симхой Спирой, который представлял новые силы в ОД. Спира происходил из ортодоксов и как по темпераменту, так и в силу личных взаимоотношений, презирал европеизированных еврейских либералов, которые пока сидели в совете юденрата. Спира получал приказы не от Артура Розенцвейга, а от унтерштурмфюрера Брандта по ту сторону реки. После встреч с Брандтом он возвращался в гетто, отягощенный новыми знаниями и властью. Брандт попросил его организовать политический отдел службы порядка и руководить им, и он набрал

туда большинство своих приятелей. Их форма включала в себя не только фуражку и нарукавную повязку, но и серые рубашки, кавалерийские бриджи, офицерскую португую и блестящие эсэсовские сапоги. Политический отдел Спиры был выше требований о сотрудничестве, и в нем было полно продажной публики, людей с кучей комплексов, переполненных незаживающими обидами за те социальные и интеллектуальные ущемления, которые они в прошлом претерпевали от уважаемых представителей среднего класса еврейской общины. Кроме Спиры, в политический отдел входили Шимон Шпитц, Марсель Зеллингер, Игнац Даймонд, коммивояжер Давид Гаттер, Форестер, Грюнер и Ландау. Свое положение они воспринимали, как возможность заниматься вымогательством и представлять в СС списки недовольных и бунтарски настроенных обитателей гетто.

Теперь Польдек Пфефферберг только и мечтал о том, чтобы удрать из полиции. Ходили слухи, что гестапо заставит всех служащих ОД принести клятву на верность фюреру, после чего они уже не смогут не подчиняться приказам. Польдек не хотел делить судьбу с серорубашечным Спирой или со Шпитцем и Зеллингером, которые составляли списки единокровцев для СС.

Он добрался до больницы на углу Вегерской, чтобы поговорить с добрым спокойным медиком Александром Биберштейном, официальным врачом юденрата. Брат его, Марек, был председателем совета, и сейчас отбывал срок в тюрьме за нарушение правил валютных операций и попытку дать взятку официальному лицу.

Пфефферберг попросил Биберштейна выдать ему медицинскую справку, чтобы он мог покинуть ряды службы порядка. Это непросто, сказал Биберштейн. Пфефферберг меньше всего смахивает на больного. Просто невозможно, чтоб ему удалось постоянно симулировать высокое кровяное давление! Доктор Биберштейн проинструктировал Польдека относительно симптомов приступов радикулита. Усвоив их, Пфефферберг выходил на дежурства, скрючившись и с палочкой.

Спира был прямо вне себя. Когда Пфефферберг в первый раз дал ему понять, что хочет оставить службу в полиции, шеф рявкнул, словно командир дворцовой стражи, что его могут вынести отсюда только на щите! В пределах гетто Спира и его недоразвитые друзья играли роль некоего элитного объединения, они считали себя то ли Иностранным легионом, то ли пролетарской гвардией.

– Мы пошлем тебя на осмотр к врачам в гестапо! – заорал Спира.

Биберштейн, который принял близко к сердцу угрозы совести молодого Пфефферберга, проинструктировал его как нельзя лучше. Польдек прошел обследование у гестаповского врача и был уволен со службы в еврейской полиции – в силу того, что по болезни не может исполнять свои обязанности. Спира, прощаясь с Пфеффербергом, хмыкнул с презрительной враждебностью.

На следующий день немцы начали вторжение в Россию. Оскар тайком послушал новости по Би-би-си и понял, что с планом освоения Мадагаскара покончено: пройдут годы, прежде чем у Германии появятся суда для его воплощения в жизнь. Оскар почувствовал, что ход событий изменит замыслы СС, и теперь экономистам, инженерам, тем, кто планирует перемещение людских масс, – всем, вплоть до последнего полицейского, – придется перестраивать свое мышление не только на приятие долгой войны, но и на систематическую работу по созданию расово безупречной империи.

Глава 11

На улице, что тянулась за Липовой, располагалась ГУФ – Германская упаковочная фабрика, обращенная к предприятию Шиндлера тыльной частью. Оскар Шиндлер, всегда неустанно искавший, с кем бы пообщаться, привык порой заходить туда, чтобы поболтать с ее инспектором Эрнстом Кунпастом или с бывшим владельцем и неофициальным управляющим Шимоном Иеретцем. Предприятие Иеретца стало Германской упаковочной фабрикой два года назад в соответствии с общепринятым порядком вещей – перестали поступать деньги, и Иеретц потерял право подписывать документы.

Несправедливость свершившегося не беспокоила Иеретца: та же судьба постигла многих из тех, кого он знал. Куда больше его волновало гетто. Стычки на кухне, жалкая убогость коммунальной жизни, запах чужих тел, блохи, которые перепрыгивают на тебя с грязной одежды человека, которого ты коснулся плечом на лестнице...

Госпожа Иеретц, рассказал он Оскару, испытывает глубокую депрессию. Она с детства привыкла жить в окружении красивых вещей; родом она была из преуспевающей семьи из Клепажа, к северу от Кракова. Подумать только, говорил он Оскару, что из купленных мною стройматериалов я мог бы возвести себе здесь дом!

Он показывал на пустырь за фабрикой: там рабочие играли в футбол, места, чтобы гонять мяч, им вполне хватало. Большинство игроков были с завода Оскара, остальные – с фабрики, принадлежавшей польской паре Вельских. Большая часть этого пространства принадлежала Оскару, остальное – супругам Вельским. Но Оскар не стал указывать на это бедному Иеретцу или объяснять, что и он мог бы захватить это место. Куда больше его заинтересовали слова о пиломатериалах.

– Вы же понимаете, – сказал Иеретц, – что надо только бумажки оформить...

Они стояли у окна кабинета Иеретца, оглядывая пустырь. Из мастерской доносились глухие удары молота и визг механических пил.

– Я не могу себе представить, что потеряю связь с этими местами, – сказал Иеретц Оскару. – Невыносима мысль, что меня загонят в какой-то трудовой лагерь и, изгнанному отсюда, мне останется только догадываться, что тут делают эти чертовы идиоты. Вы, конечно, можете понять меня, герр Шиндлер?

Люди, подобные Иеретцу, даже не думали, что будущее может измениться к лучшему.

Немецким армиям, казалось, сопутствовали постоянные успехи в России, и даже Би-би-си с тревогой вещало о блистательных победах гитлеровцев. Заказы военной инспекции на производство полевых кухонь продолжали ложиться на стол Оскара, сопровождаемые комплиментами от генерала Юлиуса Шиндлера, которые он от руки приписывал в конце листа; по телефону ему постоянно приходилось слышать добрые пожелания успехов от младших офицеров. Оставаясь равнодушным к комплиментам генерала и благодарностям офицеров, Оскар испытывал противоречивое чувство радости, глядя на корявые буквы почерка отца в письме, где тот благодарил его за состоявшееся примирение.

Все это долго не продлится, считал Шиндлер-старший. Этот человек (Гитлер) не понимает, что его ждет. В конце концов, Америка раздавит его. А русские?! Господи, неужели никто не возьмет на себя труд поведать диктатору, сколько до него было таких же безбожных варваров и что с ними стало? С улыбкой читая эти письма, Оскар не испытывал дискомфорта от того, что в нем уживались столь противоречивые эмоции – удовлетворение коммерсанта от контрактов с военным ведомством и глубокое наслаждение от подрывных писем отца. Руководствуясь чувством любви и стараясь удержать его от подстрекательских речей, Оскар посылал отцу ежемесячное содержание в тысячу рейхсмарок, получив удовольствие и от собственной щедрости.

Год миновал быстро и почти без огорчений. Долгие часы, которые Шиндлер проводил за работой, приемы в «Краковии», пьяные вечеринки в джаз-клубе, визиты в изысканные апартаменты Клоновской...

Лишь когда стали опадать листья, он не без удивления обнаружил, что год подходит к концу. Впечатление куда-то исчезнувшего времени усиливалось поздним приходом лета и осенними дождями, которые хлынули раньше, чем обычно. Смещение времен года и не оправдавшиеся, стараниями Советов, политические прогнозы сказались на жизни всех обитателей Европы.

И только для герра Оскара Шиндлера на Липовой погода продолжала оставаться просто погодой.

Но в самом конце 1941 года Оскар оказался под арестом. Кто-то – то ли какой-нибудь польский клерк, то ли немецкий техник с участка боеприпасов, трудно сказать, – явился на Поморскую и оклеветал его.

Однажды утром на Липовую прибыли двое гестаповцев в штатском, перекрыв вход своим «Мерседесом», словно собираясь положить конец существованию фабрики. Представ перед Оскаром в его кабинете наверху, они предъявили ордер, предписывавший им изъять все деловые бумаги.

Но, похоже, в коммерции они понимали немного.

– Какие именно документы вам нужны? – спросил Шиндлер.

– Кассовые книги, – сказал один.

– И ваш главный гроссбух, – добавил другой.

Процедура ареста носила довольно легкомысленный характер; они болтали с Клоновской, пока Оскар сам отправился искать для них кассовую книгу и финансовый отчет. У него даже нашлось время набросать несколько имен в блокноте – скорее всего, тех, с кем Оскар договорился о встречах, которые теперь предполагалось отменить. Но умница Клоновска догадалась: это был список людей, к которым следовало обратиться за помощью, чтобы вызволить его.

Первым в списке стояло имя оберфюрера Юлиана Шернера; вторым – Мартина Плате из отдела абвера в Бреслау. Для связи с ним придется заказывать междугородный разговор. Третье имя принадлежало инспектору, вечно пьяному ветерану армии Францу Бошу, на пару с которым Оскар Шиндлер спускал на сторону кухонную утварь. Склонившись над плечом Клоновской и вдыхая запах ее волос, покрытых лаком, он подчеркнул фамилию Буша. Влиятельный человек, Буш был в доверительных отношениях со всеми высшими чинами Кракова, которые не чурались проворачивать делишки на черном рынке. Оскар понимал, что его арест как-то связан с черным рынком: весь риск работы там заключался в том, что всегда можно было найти чиновника, готового принять взятку, но никогда нельзя было предугадать, кто из них воспылает ревностью к твоим успехам.

Четвертое имя в списке принадлежало немцу, председателю совета директоров «Феррум АГ» из Сосновца – компании, в которой герр Шиндлер закупал металл.

Перебрав в уме эти имена, Оскар обрел спокойствие, пока гестаповский «Мерседес» доставлял его на Поморскую, лежавшую в километре, или около того, к западу от Центра. Эти люди были гарантией того, что он не исчезнет без следа в лабиринтах системы. Шиндлер был далеко не столь беззащитен, как та тысяча обитателей гетто из списков Симхи Спиры, которых похватали всех до одного и по обледелым ступеням грузовой станции погнали в теплушки на станции Прокочим. В распоряжении Оскара была тяжелая артиллерия.

Комплекс зданий СС в Кракове представлял собой мрачноватое строение современной конструкции, но не столь зловещее, как тюрьма Монтелюпич. Но если даже не верить слухам о пытках, практикующихся в его кабинетах, само здание подавляло арестованного, как только он оказывался в его пределах – кафкианская путаница коридоров, немые угрозы, исходящие от имен на дверях...

Здесь располагались и Главное управление СС, и штаб-квартира полиции с «криппо», то есть с криминальным отделом, и гестапо, и административно-хозяйственный отдел СС, отдел личного состава, отдел по еврейским делам, Управление по вопросам расы и поселений, Верховный суд СС, оперативный отдел и управление вспомоществования этническим немцам.

Где-то в глубине этого улья Оскару пришлось отвечать на вопросы гестаповца средних лет, который, по всей видимости, больше разбирался в бухгалтерии, чем арестовавшие Шиндлера сотрудники. В его манере поведения чувствовался некий легкий юмор, как у таможенника, заподозрившего пассажира в незаконном провозе валюты, а на самом деле обнаружившего у него план завода, который тот вез в подарок своей тетке. Гестаповец объяснил Оскару, что все предприятия, выпускающие военную продукцию, находятся под контролем. Оскар не поверил его словам, но предпочел промолчать. Герр Шиндлер должен понимать, сказал ему гестаповец, что для предприятий, поддерживающих военные действия, моральной обязанностью является – сдавать для этой великой цели всю свою продукцию, воздерживаясь от искушения подрывать экономику генерал-губернаторства незаконными сделками.

Ворчливым голосом, в котором слышались и угроза, и благодушие, Оскар проворчал:

– Вы намекаете, герр вахтмейстер, что располагаете сведениями о том, что мое предприятие якобы не выполняет установленной ему квоты?

– Ваш образ жизни бросается в глаза, – со смущенной улыбкой сказал его собеседник, как бы давая понять, что если все в порядке, то преуспевающий промышленник вполне имеет право жить таким образом.

– Но любой подобный человек... словом, мы должны быть уверены, что уровень существования такого человека, как вы, обеспечивается доходами только от законных контрактов.

Оскар лучезарно улыбнулся гестаповцу:

– Кто бы вам ни сообщил мое имя с целью опорочить меня, он сущий идиот и вы только впустую потеряете время.

– Кто является управляющим предприятием ДЭФ? – пропустив его слова мимо ушей, спросил гестаповец.

– Абрахам Банкер.

– Еврей?

– Конечно. Предприятие в свое время принадлежало одному из его родственников.

– Тогда отчеты должны быть в порядке, – сказал гестаповец. – Но я предполагаю, что в случае необходимости Банкер может увеличить выпуск продукции.

– Вы хотите сказать, что собираетесь задержать меня? – спросил Оскар.

Он не мог удержаться от смеха.

– Я хотел бы сообщить вам, – добавил он, – что, когда мы с оберфюрером Шернером вдоволь посмеемся за выпивкой над этим происшествием, я непременно сообщу ему, что вы угрожали мне... пусть даже с изысканной вежливостью.

Те двое, что арестовывали его, провели Оскара на второй этаж, где после обыска ему было разрешено оставить при себе сигареты и сто злотых, дабы оплатить некоторые излишества для себя. Затем он был заперт в спальне – одной из лучших из тех, в которых ему приходилось бывать, – прикинул Оскар: с ванной, туалетом, с пыльными портьерами на зарешеченных окнах; в таких помещениях на время допроса содержали уважаемых лиц. Если задержанного такого ранга приходилось освобождать, у него не было повода жаловаться на условия содер-

жания, хотя вряд ли он бывал в восторге. Если же удавалось выяснить, что он занимался предательской подрывной деятельностью или же совершал экономические преступления, двери этой комнаты превращались в ловушку и прямиком вели к томительному неподвижному ожиданию в камере для допросов в подвале. Там заключенному предстояло истечь кровью в черед истязаний, называвшейся конвейером, а впереди его ждала тюрьма, где заключенных вешали прямо в камерах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.